

Международное высшее образование

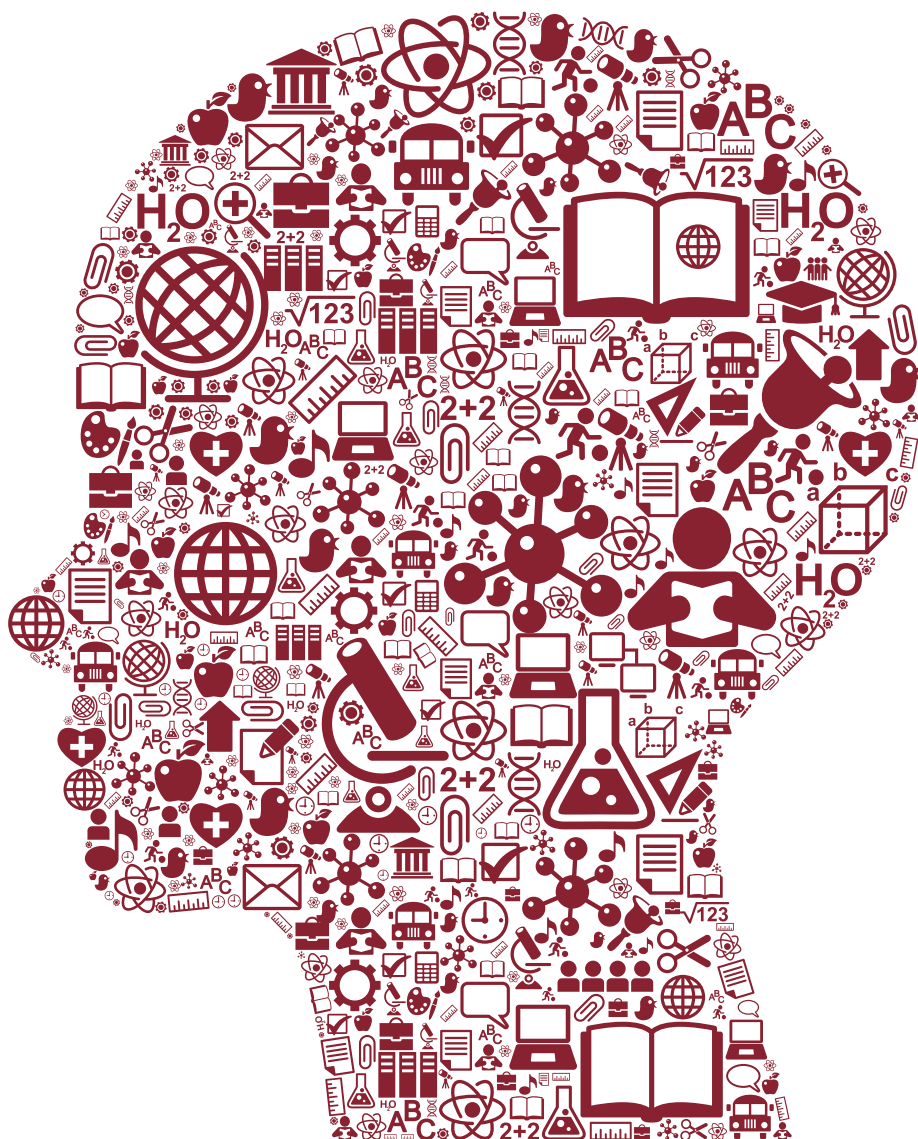
Международные
темы

Европейские задачи
и тенденции

Центральная
и Восточная Европа

Страны
и регионы

Новости
Центра

CINE

Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования. С сентября 2015 года работу Центра по изучению международного высшего образования возглавляет профессор Ханс де Вит, известный специалист и исследователь международного уровня в области интернационализации высшего образования.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня *International Higher Education*, содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях

в области высшей школы на примере локальных, региональных и международных кейсов; отбор и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер ИНИИ НИУ ВШЭ, в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. Новым этапом совместной деятельности является подписание соглашения о передаче прав на издание и распространение бюллетеня на русском языке.

<http://www.bc.edu/research/cihe/>

НИУ ВШЭ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» является крупнейшим центром социально-экономических исследований и признанным лидером высшего образования в Восточной Европе. Университет активно и успешно занимается исследовательскими разработками в области менеджмента, социологии, политологии, философии, международных отношений, математики, востоковедения и журналистики, объединенных базовыми принципами современной экономической науки.

Преподаватели и сотрудники университета принимают значимое участие в развитии социальных и экономических преобразований в Российской Федерации. Путем проведения системного анализа и комплексных междисциплинарных исследований университет транслирует актуальные экономические знания правительству, бизнес-сообществу и гражданскому обществу.

На базе НИУ «Высшая школа экономики» функционируют 47 исследовательских центров и 22 международные лаборатории, которые занимаются реализацией прикладных и фундаментальных исследований. Одним из приоритетных направлений деятельности университета являются исследования в области высшего образования, объединяющие усилия целого ряда коллективов, работающих в соответствии с мировыми стандартами. Национальные и международные группы исследователей — специалистов в области экономики, социологии, психологии и управления разрабатывают и реализуют сравнительные междисциплинарные проекты. Тематика таких исследований включает вопросы развития мировой и российской системы высшего образования, эффективного контракта в образовании, трансформации академической профессии, подготовки образовательных стандартов, моделей оценки эффективности учреждений высшей школы и многие другие.

<http://www.hse.ru/>

Содержание

Международное высшее образование

№82/Осень 2015

Международные темы

- 6 Проект ANELO: миф о сопоставимости
Филип Дж. Альтбах
- 8 Роль транснационального образования в принимающих странах
Джейн Найт, Джон Макнамара
- 10 Значение мобильности: исследование эффекта программы «Эразмус»
Уве Бранденбург, Обдулия Табоадела, Михаэла Ванча
- 12 Борьба с исламским экстремизмом в вузах Юго-Восточной Азии
Энтони Уэлч

Европейские задачи и тенденции

- 14 Высшее образование в Греции: старые проблемы, новый кризис
Димитриос Денцорас
- 15 Непубликующиеся преподаватели европейских университетов
Марек Квик
- 17 Слияния вузов в Европе
Томас Эстерманн, Энора Беннето-Прюво
- 19 Изменение пропорции частного и государственного образования в европейских программах короткого цикла
Снежана Сланчева-Дурст

Центральная и Восточная Европа

- 20** Высшее образование в Албании: нескончаемый поток проблем
Бленди Кайсиу
- 22** Проблемы высшего образования в Румынии
Лиджа Дека
- 24** Коррупция в российских вузах
Наталья Румянцева, Елена Денисова-Шмидт

Страны и регионы

- 26** Будущее государственного высшего образования в Калифорнии
Саймон Марджинсон
- 28** Вьетнам: трудности в реализации совместных международных образовательных программ
Тхю Т. До
- 29** О необходимости интернационализации высшего образования в Индии
Филип Дж. Альтбах, Эльдхо Мэтьюз

Новости Центра по изучению международного высшего образования

Проект ANELO: миф о сопоставимости

Филип Дж. Альтбах

Филип Дж. Альтбах — исследователь, директор-основатель Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: altbach@bc.edu.

Идея проекта «Оценка результатов обучения в высшем образовании» (ANELO) возникла около десяти лет назад. В его основе лежит задача тестирования знаний студентов разных стран, обучающихся по различным академическим дисциплинам, для междоународного сравнения результатов обучения. Пилотный этап этого проекта, задуманного Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), был проведен в 2012 году. Сейчас, в 2015-м, ОЭСР поднимает вопрос о реализации полномасштабного проекта. Так как пилотный этап получил много негативных отзывов, сложно представить, за счет чего полномасштабное исследование приведет к положительным результатам. Одной из наиболее значимых проблем проекта является то, что в его основе лежит инструментарий, основанный на американском стандартизованном тесте CLA, но есть и другие методологические сложности, неминуемо возникающие при проведении кросс-культурных международных исследований.

Сторонники ANELO оппонируют к тому, что единственный из ныне существующих способов сравнения вузов и национальных образовательных систем — рейтинги — используют весьма сомнительные методологии и мало соответствуют заявленным целям. Они также говорят о том, что в этих методологиях не учитываются результаты обучения студентов. Тем не менее, несмотря на то что сторонники ANELO утверждают, что это не рейтинг, сам факт того, что они предлагают сравнивать достижения вузов и стран, по факту ведет к выстраиванию определенной иерархии. Более того, в статье, опубликованной в выпуске Times Higher Education от 7 мая 2015 года, представитель ОЭСР Андреас Шляйхер отмечает, что ANELO, скорее всего, приведет к созданию нового, более полноценного рейтинга.

Немного истории

В январе 2010 года руководители программы ОЭСР «Институциональное управление в области высшего образования» (ИМНЕ) выступили с предложением разработать глобальный тест для оценки результатов обучения студентов. В пилотном этапе проекта, который обошелся почти в 10 млн долларов США, приняли участие 17 стран и три американских штата. Тестировались знания студентов по экономике и строительно-

му делу, а также в категории «общие навыки». В 2012 году руководство программы ИМНЕ вынесло решение о нецелесообразности продолжения проекта, поэтому удивительно, что представители ОЭСР все еще хотят реализовать его в полном масштабе.

Все это происходит в то время, когда ОЭСР сокращает финансирование проектов, связанных с высшим образованием, в том числе прекратила выпуск отличного журнала — Higher Education Management and Policy. ИМНЕ и сама находится в довольно серьезном положении. Все это ставит под вопрос наличие у ОЭСР ресурсов, достаточных для реализации такого сложного проекта, как ANELO.

Кто платит?

В апреле 2015 года была опубликована последняя версия программной документации по проекту ANELO, в которой нет однозначного указания на то, кто будет оплачивать исследование. Стоимость стартового этапа в течение нескольких лет будет исчисляться миллионами долларов. Возможно, ожидается, что участвующие в проекте страны будут покрывать и собственное участие, и затраты ОЭСР на административное сопровождение и общую координацию.

Основные проблемы

Вопросы относительно базовых идей и целесообразности проекта начали возникать с самого начала. Ответы на многие из них оказались настолько неоднозначными, что руководители пилотного проекта высказались против его продолжения. Согласно последней версии проектной документации, в соответствии с которой, судя по всему, и планируется реализовывать проект, его основные положения мало изменились с момента старта.

Задача подобрать общий знаменатель для сравнения результатов обучения в разных странах представляется практически невыполнимой. Одна из причин этого состоит в том, что в разных странах существенно различается возраст поступления в вузы. Другой причиной является то, что небольшие и гомогенные общества, скорее всего, будут показывать более высокие результаты. Возможно, именно поэтому Финляндия и Шанхай занимают такие высокие места в рейтинге PISA, который оценивает грамотность школьников старших классов в разных странах мира и умение применять знания на практике. При этом очевидно, что задача оценить общность образовательных программ в школах разных стран значительно проще. А на уровне высшего образования курсы и учебные планы настолько отличаются друг от друга, что между ними вообще сложно найти что-либо общее. Более того, непонятно, кто, собственно, имеет право определять, что является золотым стандартом для разных дисциплин в разных странах? Таким образом, можно сказать, что проект ANELO будет сравнивать апельсины с яблоками или даже скорее кумкват и брокколи.

Логично предположить, что престижные вузы, привлекающие более качественных студентов, покажут более высокие результаты, чем учреждения массового высшего образования. Кроме того, ANELO оценивает не «добавочное» знание, полученное студентами, а их знания в определенный момент времени. Также можно ожидать, что в таких крупных и многообразных странах, как Индия, Россия и, пожалуй, США, разброс результатов по знаниям и достижениям студентов будет, скорее всего, довольно велик. Следует также задать вопрос, касающийся стран с диверсифицированной системой высшего образования: будет ли проект ANELO учитывать все образовательные учреждения или только университетский сектор?

...несмотря на то что сторонники ANELO утверждают, что это не рейтинг, сам факт того, что они предлагают сравнивать достижения вузов и стран, по факту ведет к выстраиванию определенной иерархии.

Судя по всему, текущая версия проекта предполагает уделять значительно больше внимания навыкам общего характера, таким как критическое мышление и коммуникационные способности, чем конкретным feasibility study. Однако дать однозначное определение таких характеристик и оценивать их в культурном контексте той или иной страны может оказаться еще более сложной задачей, так как понимание критического мышления в Китае и Норвегии может существенно различаться.

Те немногочисленные страны, в которых существуют глубокие традиции гуманитарного образования и где обучение критическому мышлению и коммуникации является частью любой образовательной программы, как, например, во многих университетах и колледжах США, будут иметь преимущества перед другими странами. Но даже в США понимание общеобразовательных предметов в различных вузах значимо различается. Более того, в большинстве стран бакалавриат представляет собой узкоспециализированное образование, в рамках которого студенты принимаются на обучение по определенному предметному направлению и у них просто нет возможности для развития общих навыков. Такие навыки могут частично прививаться во время обучения в старших классах школы,

однако то, что продолжительность школьного образования значительно различается в разных странах, создает дополнительные сложности для измерения результатов обучения в университетах.

Отдельной проблемой является то, что для пилотного этапа были выбраны экономика и строительное дело. Несмотря на все усилия международного сообщества процесс выработки общего понимания содержания высшего образования по отдельным дисциплинам еще далек от завершения. Консенсуса между вузами и странами относительно того, какие знания являются базовыми для студентов, нет даже в области гражданского строительства. А экономика с этой точки зрения является намного более проблемной областью знания, так как находится в значительной зависимости от академических традиций и политических реалий конкретных стран. Кроме того, учебный план студента бакалавриата факультета бизнеса и факультета экономики может предполагать разный объем экономических дисциплин. А те, кто обучается на более узкоспециализированных факультетах, могут получать более глубокие знания, чем студенты, обучающиеся на образовательных программах, предполагающих более широкий предметный фокус.

Если возникают проблемы в реализации проекта для этих довольно четко определенных дисциплин, очевидно, что сравнивать образовательные достижения студентов гуманитарных и социальных наук будет еще сложнее.

Еще одной проблемой является то, что проект предполагает тестировать студентов по результатам первого года обучения, при этом продолжительность бакалавриата в большинстве европейских стран составляет три года, а в Северной Америке и Азии — четыре. Это дает основание предполагать, что студенты трехгодичных программ в течение первого года обучения получают больше знаний.

Нет сомнения в том, что эти и многие другие проблемы стали очевидны во время реализации пилотного этапа и явились причиной появления рекомендаций о нецелесообразности продолжения проекта.

Давайте покончим с этим плохим и дорогим проектом

Полномасштабная реализация проекта ANELO — это невероятно плохая идея. Об общем согласии в деле проведения этого проекта нет даже и речи: в представленной документации упомянуты всего восемь стран, подтвердивших свою готовность в нем участвовать. Стоимость проекта огромна: речь о миллионах долларов. При этом, несмотря на то что проект будет финансироваться исключительно участвующими странами, ОЭСР, похоже, хочет держать весь процесс исследования под своим контролем. Нет никакого понимания того, каким образом отдельные вузы или даже правительства смогут влиять на управление или концептуальные вопросы, связанные с реализацией проекта.

Также остается неочевидным ответ на вопрос о том, какое знание будет получено в результате проекта. Но основными продолжают оставаться вопросы о базовой методологии и предлагаемых инструментах оценки, а также о том, сколько усилий потребует реализация проекта. На пилотное исследование уже было потрачено много средств, кто-то даже использует термин «растрчено». Сейчас у нас есть возможность сэкономить: время, ресурсы, усилия. Тем, кого действительно интересует вопрос оценки достижений студентов по результатам обучения, мог бы с большей пользой сфокусироваться на разработке достоверных инструментов, которые могли бы использоваться университетами и колледжами для самоисследований и саморазвития.

Роль транснационального образования в принимающих странах

Джейн Найт, Джон Макнамара

Джейн Найт — лектор Института образовательных исследований провинции Онтарио при Университете Торонто, Канада. E-mail: janeknight@sympatico.ca.

Джон Макнамара — директор по исследовательской работе компании McNamara Economic Research. E-mail: johnmcmamara@mcer.eu.

Транснациональное образование (ТНО), под которым понимаются трансграничные программы академической мобильности и реализующие их организации, уже много лет является инструментом, который позволяет студентам принимать участие в новых образовательных форматах, вузам, которые их реализуют, — расширять возможности для исследований, а принимающим странам — повышать доступность высшего образования. Естественно, все больше студентов по всему миру выбирают международные образовательные программы, для окончания которых не нужно выезжать в страну, где расположен выдающий диплом университет. Этому способствует открытие университетами новых зарубежных филиалов и реализация международных образовательных программ вузами принимающей страны либо вузом-разработчиком совместно с местными партнерами.

В настоящее время большая часть исследований и дискуссий о ТНО ведется преимущественно с позиций отправляющих стран. С одной стороны, ТНО

критикуют за дороговизну и повышение статуса отправляющих вузов, с другой — все чаще можно услышать фразу о том, что «реализация ТНО — это путь к обоюдному выигрышу». Это, может быть, и верно, но для того, чтобы оценить роль ТНО в принимающих странах, желательно узнать также их мнение и понять их оценки. Чтобы разобраться с этим вопросом, Британский совет и Германская служба академических обменов совместно с Департаментом образования Австралии, КампусФранс и лондонским Институтом образования провели исследование. Специально разработанные опросники были разосланы представителям восьми целевых групп: студентам, преподавателям и руководителям программ ТНО, экспертам в области высшего образования, представителям государственных органов, работодателям, а также студентам и преподавателям традиционных образовательных программ в 10 странах, активно принимающих у себя транснациональные образовательные программы. Результаты анализа ответов 1906 респондентов оказались довольно интересными.

У ТНО другая студенческая аудитория

Благодаря проведенному исследованию удалось составить усредненный портрет студента ТНО. Несмотря на то что у этих студентов довольно много различий, можно сказать, что в целом аудитория ТНО старше аудитории обычных образовательных программ. Это объясняется тем, что среди тех, кто заинтересован в ТНО, много людей, уже имеющих опыт работы или обучающихся в магистратуре или даже аспирантуре. Нет сомнения в том, что для значительной доли работающих на полную ставку студентов значимым моментом является то, что обучение по этим программам организовано в формате краткосрочных интенсивных модулей по выходным или вечерам. Такая гибкость делает программы ТНО привлекательными для тех студентов, которые хотят сочетать работу, обучение и другие аспекты жизни.

Карьерный рост как основная мотивация для обучения на ТНО

Понимание того, для чего студенты приходят получать дополнительное образование, является фундаментальным для осознания их целей и ожиданий. Очевидно, что они рассматривают ТНО как возможность улучшения профессиональных навыков и, соответственно, развития карьерных перспектив. Они также полагают, что дополнительное образование дает преимущества при трудоустройстве. Респонденты называли две главные причины этого: 1) престижность и статус зарубежных вузов и зарубежного образования; 2) выпускники программ ТНО обладают большим международным опытом и уровнем межкультурных коммуникаций по сравнению с выпускниками обычных программ. И хотя студенты уверены, что ТНО поможет их карьере, отношение работодателей, их ожидания и готовность поддерживать реализацию ТНО еще предстоит изучить.

Стоимость ТНО: плюсы и минусы

Ценовая доступность программ ТНО по сравнению с образованием за рубежом делает их очень привлекательными. Это дает возможность предположить, что растущий спрос на международное высшее образование может быть частично удовлетворен путем развития ТНО, и также указывает на то, что границы между такими программами и традиционными программами студенческой мобильности постепенно размываются. Основной отрицательной характеристикой программ ТНО является то, что их стоимость значительно превышает стоимость обычных образовательных программ. Вопросы, связанные со стоимостью и доступностью обучения, волнуют как потенциальных студентов, так и вузы. При анализе издержек и выгод ТНО необходимо уделять больше внимания различиям между его возможными формами: открытие зарубежных филиалов, открытие вузов / программ по франшизе, дистанционное образование (в том числе МООК), совместные программы / программы двойных дипломов.

Несмотря на то что у этих студентов довольно много различий, можно сказать, что в целом аудитория ТНО старше аудитории обычных образовательных программ.

Повышение доступности высшего образования — основной результат ТНО

Ответы респондентов из числа руководителей программ ТНО, экспертов в области высшего образования, представителей государственных органов и работодателей говорят о том, что основной результат развития подобных программ заключается в «повышении доступности высшего образования для местных студентов» и «общем повышении качества образовательных услуг». Исследование показывает, что, вопреки распространенному мнению о том, что ТНО позволяет получить редкую, недоступную в стране специальность, специализации программ ТНО в целом не очень отличаются от обычных. Как правило, разработчики программ ТНО всего лишь реагируют на студенческий спрос.

Низкая осведомленность о ТНО

Результаты исследования неожиданно показали очень низкую осведомленность о ТНО в принимающих странах. Так, большинство студентов и преподавателей обычных программ никогда не слышало о ТНО, даже если такие программы реализуются непосредственно в их вузах. Опрос работодателей выявил очень низкий уровень понимания того, что представляет собой ТНО. Из этого можно сделать вывод, что потенциал ТНО еще не реализован и что необходима большая просветительская работа по распространению информации о ТНО в принимающих странах.

Выпускники программ ТНО обладают важными навыками, но их образование не всегда отвечает требованиям местной экономики

Респонденты сходятся в том, что выпускники программ ТНО отличаются от выпускников обычных программ целым рядом навыков: они в большей степени обладают критическим мышлением, лучше умеют решать сложные задачи и имеют более широкие представления о мире. И хотя респонденты признают, что выпускники программ ТНО обладают высокой квалификацией, результаты исследования показывают, что они могут только частично заполнить пробелы местного рынка труда. Некоторые специализированные программы ТНО действительно направлены на решение проблем местной экономики, однако большинство из них дублирует программы, уже существующие в местных вузах.

Восприятие ТНО

В целом респонденты воспринимают будущее ТНО с оптимизмом и говорят о том, что количество и охват подобных программ продолжают расти в среднесрочной перспективе. В контексте содействия развитию совместных исследований и формированию экономики знаний можно с уверенностью говорить о том, что ТНО будет играть все большую роль для принимающих стран. Консенсуса в вопросе о том, будет ли ТНО способствовать притоку иностранных инвестиций и развитию местной инфраструктуры, пока не сложилось, так как это во многом зависит от установок местных властей и ситуации в каждой конкретной стране.

Полученные результаты позволяют сделать обобщенный вывод о положительной роли ТНО в развитии принимающих стран — в частности, благодаря тому, что они расширяют доступ к высшему образованию. Однако конкретных эмпирических данных, которые бы подтверждали эти утверждения, нет, потому что мало в каких странах ведется соответствующая статистика. Важной задачей принимающих стран является учет информации относительно количества и типа реализуемых транснациональных образовательных

программ, числа местных и иностранных студентов, живущих в этой стране и обучающихся на таких программах, а также числа приезжающих иностранных студентов в целом.

Более подробно см.: *British Council and DAAD (2014) Impacts of transnational education on host countries* (<http://www.britishcouncil.org/education/ihe/knowledge-centre/internationalisation/impacts-transnational>).

Значение мобильности: исследование эффекта программы «Эразмус»

Уве Бранденбург, Обдулия Табоадела, Михаэла Ванча

Уве Бранденбург — управляющий партнер компании CHE Consult, Берлин, Германия. E-mail: Uwe.brandenburg@che-consult.de.

Обдулия Табоадела — доцент факультета социологии Университета Ла-Коруньи, Испания. E-mail: Obdulia.taboadela@udc.es.

Михаэла Ванча — исследователь факультета политологии и социальных наук Университета Помпеу-Фабра, Испания. E-mail: mihaela.vansea@upf.edu.

Данная статья подготовлена по результатам исследования эффекта программы «Эразмус» — Erasmus Impact Study (EIS) (http://ec.europa.eu/education/library/study/2014/erasmus-impact_en.pdf), а также по результатам проекта memo© (<http://www.memo-tool.net>).

На европейском рынке труда наблюдается значительный разрыв между компетенциями и навыками, которые приобретают студенты во время обучения в университетах, и тем, чего от них ожидают работодатели. Сейчас в Европе 5,7 млн молодых безработных, причем у многих из них есть высшее образование, но в то же время треть работодателей жалуется на невозможность найти подходящих сотрудников. Анализ этого разрыва мог бы существенно помочь в принятии решений, касающихся регулирования рынка труда и деятельности вузов. Это стало одним из оснований для проведения Еврокомиссией исследования, посвященного изучению программы «Эразмус» с акцентом на анализ трудоустраиваемости ее выпускников.

Мобильность и рынок труда

За период с 1987 по конец 2012–2013 учебного года в программе «Эразмус» приняло участие более 3 млн студентов из более чем 4000 вузов. Это крупнейшая в мире программа мобильности, финансируемая Европейской комиссией. Она создана специально для того, чтобы содействовать развитию мобильности студентов вузов. Таким образом, оценка трудоустраиваемости выпускников этой программы могла бы пролить свет на ситуацию с выпускниками вузов в Европе в целом. Эмпирические данные показывают, что развитие мобильности в целом и в частности в рамках программы «Эразмус» могло бы помочь сократить разрыв между требованиями работодателей и реальными компетенциями выпускников. Как показывают более ранние исследования, люди, имеющие за плечами опыт обучения или прохождения стажировки за границей, обладают более глубокими знаниями в своей области и более сильными лидерскими навыками. Однако многие из этих исследований проводились на основе непроверенной информации, субъективных оценок или необоснованных измышлений.

С другой стороны, возможно, что даже если развитие мобильности и является решением описанной выше проблемы, то это верно вовсе не для всех, а лишь для меньшинства. Наивно было бы полагать, что все могут быть мобильными. Уровень мобильности связан с социальным статусом человека. Исследования, в которых сравнивались мобильные и немобильные студенты, выявили наличие значительных социоэкономических различий между этими двумя группами. Кроме того, студенты, которые готовы ехать за границу, обладают навыками межкультурной коммуникации в большем объеме. У мобильных студентов есть внутренняя мотивация, и возможность получения международного опыта ценна для них сама по себе, а не только с точки зрения ее непосредственных результатов. Исследование эффекта программы «Эразмус» (EIS) также позволяет сделать некоторые интересные выводы.

Исследований, в которых бы проверялось наличие связи между различными аспектами социальной избирательности, мобильности и трудоустраиваемости, а также отдельными личностными качествами, пока не проводилось (за исключением исследований, посвященных связи между личностными характеристиками и предрасположенностью к выезду за рубеж с целью обучения). Исследование EIS можно считать инновационным сразу по нескольким параметрам. Во-первых, в нем задействованы одновременно все пять групп, участвующих в процессе: студенты, выпускники, сотрудники вузов, вузы и работодатели. Во-вторых, в нем исследуются не только привычные языковые навыки и навыки межкультурной коммуникации, но и другие параметры. В нем используются результаты психометрического анализа реальных личностных качеств индивидов, основанного на шести факторах, выявленных в рамках проекта memo© («Мониторинг результатов программ обмена»).

За период с 1987 по конец 2012–2013 учебного года в программе «Эразмус» приняло участие более 3 млн студентов из более чем 4000 вузов.

В рамках проекта EIS исследуются не только личностные качества респондентов и их изменение на протяжении периода мобильности, но и представления о них участников. Иными словами, исследователи сравнивали объективные, измеримые показатели с субъективными представлениями людей. Благодаря тому, что в EIS участвовали выпускники программы «Эразмус» различных десятилетий, исследователям удалось проанализировать краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный эффект — не только с точки зрения трудоустраиваемости молодых людей, но и того, как складывалась их карьера и социальная жизнь.

Как проводилось исследование EIS

EIS — это главным образом количественное исследование, в котором участвовало 56 733 студента, 18 618 выпускников и 4986 сотрудников вузов, и во всех трех группах были как те, кто принимал участие в программах мобильности, так и те, кто не принимал. Было охвачено в общей сложности 964 вуза и 652 организации-работодателя из 34 стран Европы. Для измерения реальной динамики знаний и навыков, приобретенных в результате выезда на стажировку, авторы EIS оценивали шесть факторов, выявленных в рамках проекта memo©: 1) принятие неоднозначных ситуаций (принятие других культур и точек зрения, умение подстраиваться); 2) любопытство (открытость новому опыту); 3) уверенность (доверие собственному профессионализму и компетенциям); 4) уравновешенность (осознание своих сильных и слабых сторон); 5) решительность (способность принимать решения); 6) энергичность (умение находить решение проблем). Все эти факторы напрямую связаны с пригодностью к трудоустройству и были отмечены как важные 92% опрошенных работодателей. Кроме того, в EIS была и качественная часть, в основу которой легли онлайн- и телефонные интервью, фокус-группы, а также проводившиеся в различных вузах семинары.

Социальное происхождение играет не менее важную роль, чем мобильность

Как показывают результаты EIS, мобильные студенты еще до участия в программах мобильности в корне отличаются от немобильных. Им в большей мере свойственны описанные выше шесть факторов,

и среди них больше людей из образованных семей. Иными словами, студенты, имеющие лучшие стартовые условия и обладающие характеристиками, обеспечивающими им больше шансов на трудоустройство, более склонны воспользоваться любой возможностью для самосовершенствования, в частности путем обучения за рубежом.

Согласно исследованию, 52% студентов, участвовавших в программах мобильности, этот опыт действительно помог развить в себе рассматриваемые шесть качеств. В среднем среди студентов — участников программы «Эразмус» обладателей этих качеств больше, чем среди 70% всех европейских студентов. В течение стажировки они меняются настолько, насколько обычный человек меняется за четыре года. А немобильным выпускникам требуется еще больший срок, чтобы достичь тех же показателей, какие демонстрируют студенты программы «Эразмус» еще до своего отъезда. Многие, впрочем, склонны переоценивать свои достижения. Около 81% участников программ мобильности полагают, что стажировка помогла им развиться, что почти на 30% превышает результат, полученный в ходе количественной части исследования. Это говорит о том, что исследования, которые основываются исключительно на данных опросов, не показывают подлинной картины.

Помимо этого, участники программы «Эразмус» считают, что стажировка за рубежом помогла им улучшить знание иностранных языков, навыки межкультурной коммуникации, а также другие важные навыки: понимание других культур и умение общаться с их представителями, коммуникационные навыки. Это подтверждают и вузы, и работодатели, и выпускники.

Деньги, карьера, жизнь

В период с 2006 по 2014 год доля работодателей, считающих важным наличие у кандидатов международного опыта и готовых платить таким людям больше, удвоилась.

Вероятность остаться безработным на длительное время для участников программы «Эразмус» в два раза ниже, чем для немобильных студентов. Уровень безработицы среди мобильных студентов через пять лет после окончания вуза существенно ниже, чем среди их немобильных сокурсников. Они также значительно чаще находят себе работу за рубежом.

Кроме того, участие в «Эразмусе» помогает развить предпринимательские способности: треть участников профессиональных стажировок получает предложение остаться работать в принимающей организации, а примерно 10% открывают свое дело, что почти в десять раз выше средних показателей.

Еще одна цель программы «Эразмус» — возвращение у студентов и выпускников европейской идентичности. Действительно, 80% участников программы говорят, что чувствуют глубокую связь с Европой.

Этому особенно способствует развитие социальных и личных отношений с представителями других стран: 33% из тех, кто участвовал в программе «Эразмус», когда-либо состояли в близких отношениях с человеком из другой страны, а 27% познакомились со своим нынешним партнером во время пребывания за рубежом. «Эразмус» действительно меняет жизнь людей!

Борьба с исламским экстремизмом в вузах Юго-Восточной Азии

Энтони Уэлч

Энтони Уэлч — профессор наук о образовании Сиднейского университета, Австралия; приглашенный профессор Национального исследовательского института по вопросам высшего образования в Пинанге, Малайзия. E-mail: Anthony.Welch@sydney.edu.au.

Тиранические режимы и экстремистская идеология не раз оказывали влияние на историю высшего образования. В Испании XV века гонениям подвергались арабские и еврейские ученые, в нацистской Германии — интеллектуалы из числа евреев и коммунистов, а в Камбодже времен красных кхмеров образованных людей просто расстреливали.

В настоящее время многих, в том числе жителей мусульманских стран, волнует расцвет исламского экстремизма в сфере высшего образования. Так, например, руководство легендарного каирского Университета аль-Азхар, который был основан еще раньше Оксфорда и Кембриджа, недавно объявило о намерении бороться с радикальными настроениями среди студентов. Глава университета Абдель-Хай Азаб признал, что в вузе развиваются экстремистские ячейки, и принял решение о пересмотре используемой учебной литературы с целью вычистки радикальных джихадистских идей.

Экстремизм в вузах Юго-Восточной Азии

На фоне роста экстремизма в вузах Юго-Восточной Азии появились аналогичные тенденции. Однако утверждать, что современный экстремизм взялся из ниоткуда, нельзя. Во многих странах региона существуют радикальные группы с многолетней историей, которые нередко поддерживают связи с местными

национально-освободительными движениями или с воюющими в отдаленных странах (например, Афганистане) «защитниками ислама». Сотни филиппинцев, малайзийцев и индонезийцев, среди которых было много студентов, добровольно воевали на стороне афганских моджахедов, после чего возвращались на родину уже радикализированными.

В 1980-е годы в некоторых вузах Индонезии, например в городах Джокьякарта и Бандунг, действовал целый ряд радикальных исламистских группировок, связанных с международной исламской политической партией «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». В Германии, России, Китае, Саудовской Аравии, Иордании и Египте ее деятельность запрещена, а в Великобритании, Австралии и некоторых других странах многочисленные расследования так и не выявили следов террористической деятельности, и, соответственно, она легальна.

Недавно правительство Индонезии разработало национальный план по дерадикализации молодежи в рамках национальной программы по противодействию терроризму — проблеме, которая особенно актуальна в 13 провинциях страны. Один из пунктов нового плана — помощь университетам в наращивании потенциала по противостоянию терроризму. Тем не менее Сидни Джонс, директор Института стратегического анализа конфликтов, считает, что подготовка 575 специалистов по антитеррористической деятельности для индонезийских вузов — это не лучшая идея, потому что на сегодняшний день вузы не пользуются у воинствующих экстремистов большой популярностью, чему отчасти способствует «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». К тому же не очевидно, как готовить таких специалистов.

Также не ясно пока, помог ли недавний визит в Индонезию радикальных имамов из Египта и их участие в конференции Universitas Indonesia как-то умерить местных радикалов. Более успешными оказались визиты представителей таких организаций, как Фонд выживших (Yayasan Penyintas) и Ассоциация в поддержку жертв террористических атак в Индонезии: они встречались со студентами и сотрудниками вузов и делились своими историями.

История исламского экстремизма на Филиппинах связана с войной в Афганистане: сотни филиппинских мусульман отправлялись в Афганистан и Пакистан, для того чтобы присоединиться к движению моджахедов. Сколько среди них было студентов — пока не ясно. На юге Филиппин действует милитаристская группировка «Бангсаморские бойцы за исламскую свободу», которая открыто дала клятву верности Исламскому государству, и воинствующая исламистская сепаратистская группа «Абу Сайяф», члены которой оказались среди убитых в Сирии джихадистов. Тем не менее декан Института исследований ислама Университета Филиппин заявил, что СМИ в погоне за сенсациями провоцируют страх среди обычных людей, что потенциально способствует ухудшению ситуации.

Влиятельные имамы, в том числе из уже упомянутого Египта, посещают не только Индонезию, но и Филиппины: недавно подобный визит состоялся в Государственном университете Минданао. Обычно на таких мероприятиях, где собираются тысячи студентов и сотрудников вузов, речь идет о значении пяти столпов ислама, о роли государственной власти, о необходимости мирного сосуществования с представителями других религиозных конфессий. Однако последнюю серию таких встреч омрачили столкновения между «Бангсаморскими бойцами за исламскую свободу» и правительственными войсками, когда тысячи сельских жителей вынуждены были бежать из родных мест.

...многих, в том числе жителей мусульманских стран, волнует расцвет исламского экстремизма в сфере высшего образования.

Таиланд также сталкивается с проблемами джихадистских салафитских группировок, но реагирует на них довольно прямолинейно. При этом достоверных сведений, подтверждающих развитие экстремистской деятельности в вузах, расположенных на самом юге страны, в провинциях Яла, Наратхиват и Паттани, нет. В Малайзии известен пример студента Малайзийского технологического университета Мохаммеда Фадли, который присягнул на верность радикальной исламистской организации «Джемаа Исламия» и отправился на юг Таиланда воевать за ислам. Напряжение в Малайзии постоянно растет в связи с тем, что, с одной стороны, ислам принят в качестве официальной религии, а с другой — конституция страны носит светский характер. Сформировалась целая группа влиятельных малайзийцев (они называют себя G40), которые выступают против исламизации. Действующий при правительстве страны Департамент мусульманского развития даже создал специальную межведомственную комиссию, члены которой выступают в университетах Малайзии и занимаются просвещением и развенчиванием мифов о джихаде. Эта мера стала ответом на растущую радикализацию молодежи. Была также запущена общественная кампания под названием «Студенты-мусульмане против насилия» (Mahasiswa Islam Tolak Keganasan): мусульмане из числа студенческих лидеров должны распространять в своих вузах информацию о подлинной сути джихада. Против радикализации молодежи выступают и многие малайзийские религиозные лидеры: так, в стране выне-

сена фетва (решение в религиозном праве), согласно которой любые призывы пособников ИГ к джихаду признаны противоречащими исламу, а малайзийцев, погибших в бою на стороне ИГ, нельзя считать мучениками.

Государственная организация «Глобальные образовательные услуги» (EMGS), которая занимается всеми аспектами привлечения в страну международных студентов, стала уделять более пристальное внимание заявкам, которые присылают абитуриенты из-за рубежа. Процент отказов по заявкам уменьшился с 28% в 2011 году до 24% в 2012 году и всего лишь 3% в 2013-м. Однако благодаря арестованному террористу из ХАМАСа стало известно, что эта исламистская организация активно вербует в свои ряды палестинцев из числа студентов, обучающихся в Малайзии. Другой арестованный член ХАМАСа признался, что его вместе с девятью другими студентами специально направили в Малайзию учиться дельтапланеризму с целью подготовки антиизраильских терактов. Говорят, что ХАМАСу удалось завербовать около 40 палестинских студентов. А центром вербовки и подготовки будущих террористов считается Международный исламский университет Малайзии, один или даже два преподавателя которого замешаны в этой противозаконной деятельности.

Безоговорочный успех

Продолжение вербовочной деятельности не позволяет говорить об успехе региональной кампании по борьбе с экстремизмом. За последний год воевать в Сирию приехало более 12 000 граждан других государств, более 10% из них — из стран Юго-Восточной Азии, что лишний раз подчеркивает сложившуюся проблему. Как мы уже писали выше, среди новоявленных террористов есть и местные студенты, и иностранцы, однако точное число студентов, связанных с экстремистскими группировками, неизвестно.

Чтобы снизить привлекательность ИГ и подобных ей организаций для студентов из Юго-Восточной Азии, необходимо вести активную просветительскую деятельность по вопросу о том, что на самом деле означает быть хорошим мусульманином, а также — в случае Таиланда и Филиппин — продвигать идею толерантного отношения к мусульманам.

Борьба с распространением экстремистской исламистской идеологии в вузах Юго-Восточной Азии требует постоянных усилий. Если исходить из того, что университет — это источник знаний, то необходимо максимально использовать потенциал высшего образования с целью изучения феномена радикализации, продвижения идеи умеренного ислама как мирной религии и развития инклюзивных форм демократии. Это могло бы способствовать снижению привлекательности экстремистской идеологии среди эмоционально неустойчивых студентов.

Высшее образование в Греции: старые проблемы, новый кризис

Димитриос Денцорас

Димитриос Денцорас — старший преподаватель Университета Манитобы, Канада. E-mail: Dimitrios.Dentsoras@umanitoba.ca.

Данная статья в более полной версии была опубликована в Stepping Into a New Era под ред. А. Гласса (European Association for International Education, 2014, Conference Conversation Starter).

К сожалению, говоря о греческой системе высшего образования, исследователи обычно подчеркивают ее пороки и недостатки. Это не совсем справедливо по отношению к отдельным греческим ученым и греческому академическому сообществу в целом, однако такой подход вполне можно понять, учитывая масштаб и продолжительность этих проблем, а также принимая во внимание то, что по сути они отражают структурные проблемы всего греческого государства. Некоторые трудности, с которыми сталкиваются греческие вузы, настолько банальны, что сам факт их существования приводит в замешательство. До недавнего времени Министерство образования Греции не могло даже примерно подсчитать, сколько человек работают и учатся в вузах страны, точно так же, как государственная статистическая служба не могла оценить объем национального долга и бюджетного дефицита. Университеты, как и многие другие государственные институты Греции, страдают от хронического недофинансирования, что приводит к отсутствию адекватной инфраструктуры и даже базовых сервисов для студентов. При этом государство продолжает делать довольно неадекватные масштабные финансовые вливания в высшее образование, такие как предоставление всем студентам бесплатных учебников или создание в небольших городах большого количества новых университетов, которые не представляют никакого интереса для студентов. В большинстве случаев деньги распределяются неравномерно и хаотично, часто из соображений политического фаворитизма. Это характерно для большинства государственных институтов.

Дурные привычки

Наиболее очевидные и распространенные проблемы греческих вузов напрямую связаны с «дурными привычками», свойственными греческому обществу в целом. Так, люди и группы людей склонны бросаться в крайности, когда речь идет о защите их интересов:

они устраивают уличные демонстрации и забастовки, иногда даже баррикадируются в общественных зданиях. Учебная и научная деятельность в греческих вузах регулярно прерывается то из-за преподавателей, то из-за административных сотрудников, то из-за студентов, которые решили протестовать по какому-то важному поводу, причем эти протесты не встречают существенного сопротивления со стороны других затронутых групп. Кроме того, из-за злоупотребления конституционным запретом на нахождение полиции на территории университетов без соответствующего разрешения их руководства органы правопорядка в большинстве случаев не имеют возможности вмешаться, даже если речь идет о чистом вандализме или других противоправных действиях. Такое толерантное отношение к многочисленным демонстрациям, которые нередко нарушают привычный ход общественной жизни, и даже к нарушениям закона, если они направлены против «системы», очень характерно для греков.

Основные проблемы

Опуская частности, можно сказать, что греческая система высшего образования поражена теми же недугами, что и все государство. Два основных из них — сверхцентрализация и влияние политических интриг, направленных на достижение интересов партий, а не на благо людей, практически на все сферы общественной и частной жизни. Обычно эти проблемы идут в связке, что только усугубляет их. Система высшего образования в Греции является одной из наиболее централизованных из всех стран Евросоюза. Почти все решения, важные и не очень (требования к поступающим, количество и структура вузов и подразделений в них, наем сотрудников), проходят через центральный аппарат Министерства образования. Пагубные последствия такого подхода очевидны: длительные простои с принятием и реализацией решений, бездумное планирование без учета деталей, слишком долгое время реакции на кризисные ситуации, нестабильность, вызванная постоянной сменой руководства в ходе

Два основных недуга — сверхцентрализация и влияние политических интриг, направленных на достижение интересов партий, а не на благо людей, практически на все сферы общественной и частной жизни.

смены политических циклов. И хотя основанием для сверхцентрализации является то, что она якобы позволяет создать объективные и честные механизмы контроля в противовес развитому на местах кумовству и фаворитизму, на практике нередко получается наоборот: большинство решений принимается в результате непрозрачных операций и обмена политическими одолжениями.

Тем временем в вузах доминируют интересы политических партий. Ими руководствуются даже при выборе представителей студенческих советов и административных сотрудников вузов. Создается впечатление, что именно партийная принадлежность студентов и сотрудников определяет многие аспекты их профессиональной жизни — от получения хороших оценок или повышения в должности до возможности устроиться на работу друзей или родственников. Однако влияние партийной идеологии на высшее образование этим не ограничивается. Местные политики успешно лоббируют открытие в своих регионах все новых вузов вне зависимости от того, нужны ли они на самом деле; руководители профсоюзов оказывают давление на вузы, с тем чтобы те нанимали сотрудников, принадлежащих к «правильной» партии; предприниматели борются за получение выгодных контрактов на развитие инфраструктуры университетов или оказание услуг. Результат всех этих махинаций, которые так распространены в Греции, заключается в том, что греческие вузы неэффективны и тратят слишком много денег, а качество образования при этом оставляет желать лучшего.

Провал реформ и откат назад

Было бы логично предположить, что реформу греческой системы высшего образования следовало бы начать с решения именно этих двух описанных выше проблем. Последняя попытка была предпринята в 2011 году, и действительно одной из основных ее задач стало изменение роли партийной политики в процессе управления вузами. Однако принятое новое законодательство так и не было реализовано до конца, а правительство так и не выработало долгосрочный всеобъемлющий план по модернизации и повышению международной конкурентоспособности высшего образования Греции. В итоге реформа завязла из-за силового противоборства между вузами и разногласий по мелочам, таким как максимально допустимое время на завершение учебной программы. А избранное недавно новое правительство и вовсе заявило о своем желании отменить последнюю реформу и вернуться к предыдущему законодательству и докризисному статус-кво.

Качели греческих образовательных реформ сбивают с толку. Значительная доля греческих ученых и интеллектуалов, которые высказались против планов действующего правительства, считают новую политику ревизионистским откатом, в основе которого лежат утратившие актуальность левацкие идеи.

Но на самом деле существуют и более глубокие причины, которые привели в условиях финансового кризиса к сворачиванию многих реформ. Убедительных доводов в пользу необходимости реформ и их долгосрочного положительного эффекта, нет. Многие, в том числе члены нового правительства, считают разговор о реформах лишь дымовой завесой, которая скрывает истинные, исключительно финансовые обоснования сокращения госрасходов с целью выплаты старых долгов или в качестве попытки перекроить баланс сил в вузах. В этом смысле ситуация в греческом высшем образовании отражает ситуацию в стране в целом: люди все с большим подозрением относятся к каким бы то ни было реформам, видя в них попытку установить внешний контроль и ввести более жесткие экономические меры. Любая реформа, которой не дано ясного обоснования и которая не имеет четкого долгосрочного плана, обречена на то, что она будет воспринята с подозрением, а ее реализация встретит стойкое сопротивление.

Непубликующиеся преподаватели европейских университетов

Марек Квик

Марек Квик — директор Центра изучения публичной политики и заведующий кафедрой ЮНЕСКО по изучению политики в сфере высшего образования и институциональным исследованиям Познаньского университета, Польша. E-mail: kwiekt@amu.edu.pl.

В европейских университетах преподаватели вузов, которые работают на полную ставку, но при этом не занимаются исследовательской работой, не считаются членами научного сообщества. Отсутствие публикаций означает отсутствие исследований. Но может ли университет в традиционном европейском понимании не заниматься исследованиями? В вузах Европы работают несколько сотен тысяч людей, которые не пишут статей. Можно ли утверждать, что они являются полноправными участниками академического сообщества в условиях массовизации высшего образования, которую мы наблюдаем в последнее время?

Данные, на которые я буду ссылаться, были получены в ходе исследований «Динамика академической профессии» (CAP) и «Академическая профессия в Европе» (EUROAC). Я собрал подвыборку (N=8886)

по 11 странам: Австрии, Великобритании, Германии, Ирландии, Италии, Нидерландам, Норвегии, Польше, Португалии, Финляндии и Швейцарии. В число респондентов вошли преподаватели университетов, которые работают на полную ставку и занимаются научной работой.

Межстрановые различия

В университетах Польши исследованиями не занимается более 40% преподавателей вузов, в Финляндии, Португалии, Норвегии и Германии — 15–20%, в Ирландии, Италии, Голландии и Великобритании — менее 10%. Согласно опросам, в разных странах в 2007 или 2010 году доля преподавателей, которые работают на полную ставку, указавших, что они не занимаются научной работой, составила: в Голландии — 2,7%, в Италии — 5,4%, в Великобритании — 5,7%, в Ирландии — 9,1%, в Швейцарии — 12,4%, в Германии — 15,4%, в Норвегии — 15,9%, в Португалии — 18,3%, в Финляндии — 20,2%, а в Польше — целых 43,2%. Результат для Австрии составил 72,2%, однако он представляется сомнительным, поэтому далее говорить об этой стране мы не будем.

Различия академической и институциональной культуры высшего образования разных стран оказывают влияние на продуктивность ученых. Вузы с низкой академической репутацией могут не придавать большого значения научной работе, а университеты с высокими академическими показателями, наоборот, прилагают усилия для того, чтобы их сотрудники более активно участвовали в исследовательской работе, и разрабатывают соответствующие нормативные процедуры. Аналогичным образом могут отличаться и предпринимаемые усилия в масштабах отдельных стран. Ярким примером этого до начала недавних реформ являлась Польша. С одной стороны, в условиях массовизации высшего образования увеличение численности преподавателей, которые не занимаются наукой, не должно удивлять. Однако тот факт, что в Польше их доля превышает 40% всего профессорско-преподавательского состава вне зависимости от возрастной группы и специализации, показывает, насколько глубоким оказался разрыв между ценностями, сформировавшимися в польской академической среде, и традиционными для Европы представлениями о совмещении преподавательской и научной работы.

Общие характеристики непубликующихся преподавателей

Можно выделить некоторые характеристики, которые объединяют преподавателей европейских вузов, не участвующих в научной деятельности. Неудивительно, что в полной выборке (N=17 212) их оказалось гораздо больше в неуниверситетском секторе, а также среди преподавателей, работающих на условиях частичной занятости. За исключением Германии и Польши, в других выбранных странах женщин, не занимающихся научной работой, примерно в полтора

раза больше, чем мужчин (хотя в Нидерландах это соотношение еще выше: 7,7% среди женщин против 1,3% среди мужчин, а в Швейцарии составляет рекордные 23,5% против 7,8%).

Если говорить о возрастном распределении, то, как ни странно, самая большая доля преподавателей, которые не занимаются наукой, наблюдается в возрастной группе до 40 лет. Исключение составляют Польша, Италия и Великобритания: там таких преподавателей больше всего в самой старшей возрастной группе — 60+. Если вести речь о научных областях, преподавателей, которые не занимаются наукой, больше всего среди представителей инженерных специальностей. Их число достигает 40% в Финляндии и 35% в Германии, двух странах с очень высокой долей патентов.

Непубликующиеся, редко публикующиеся и часто публикующиеся преподаватели

Несмотря на то что существует различие между теми, кто вообще не участвует в научной деятельности, и теми, кто в ней участвует мало (публикует не более четырех научных статей в течение трех лет), обе эти группы существенно снижают средний уровень научной продуктивности страны.

В целом на представителей этих двух групп приходится около 30% общего числа профессорско-преподавательского состава голландских и итальянских вузов и 60–70% преподавателей польских, норвежских, финских и португальских университетов. В Германии, Швейцарии, Ирландии и Великобритании их доля составляет около 50%.

Доля активных исследователей (публикующих по 10 и более статей каждые три года) также существенно различается в зависимости от страны: в Нидерландах и Италии их около 40%, в Швейцарии и Германии — около 30%, в других странах в среднем по 16–22%, и замыкает список Польша со всего 13%. Таким образом, наиболее продуктивные в научном плане страны — Нидерланды и Италия — могут похвастаться самым большим числом активных авторов и самым маленьким числом преподавателей, которые вообще не занимаются наукой.

Очевидно, что низкая заинтересованность преподавателей вузов Польши, Финляндии и Португалии в участии в научной деятельности будет ставить под угрозу глобальную научную конкурентоспособность университетов этих стран до тех пор, пока не будут приняты необходимые меры по регламентированию их работы.

Должны ли преподаватели публиковаться?

Понятно, что в эпоху массового высшего образования не стоит ожидать, что все преподаватели в европейской системе высшего образования будут заниматься наукой. А вот к преподавателям университетов подобное требование вполне применимо. Престиж

европейских вузов практически напрямую зависит от их научной продуктивности. Университетских преподавателей, которые не занимаются наукой, стоит либо переводить в вузы другого типа, либо заставлять расстаться с академической профессией. В условиях перехода большинства европейских стран на конкурсную систему финансирования науки непродуктивным исследователям может просто не хватить места в университете.

Рост социальной стратификации

Социальная стратификация среди представителей академического сообщества возрастает. Как показывает проведенный анализ, 10% наиболее продуктивных ученых европейских университетов производят примерно 4 из каждых 10 статей (41,5%), а первые 20% ученых производят примерно 6 из 10 (61,2%) всех статей. Остальные 80% исследователей пишут лишь около 4 из 10 статей, или 38,8%. Если разделить всех европейских ученых, которые в той или иной мере занимаются наукой, примерно пополам, то окажется, что на одну половину приходится 91,5% всех статей, а на другую — менее 9%.

Университетских преподавателей, которые не занимаются наукой, стоит либо переводить в вузы другого типа, либо заставлять расстаться с академической профессией.

Ученые с высокой, средней и низкой производительностью по итогам научной деятельности всегда получают разные индивидуальные результаты. Как писал Джон Зиман в своей книге *Prometheus Bound: Science in a dynamic steady-state* (1994), наука — это «безжалостная гонка, в которой некомпетентность, показателем которой является стабильно низкая научная продуктивность, ведет к застопориванию системы».

Действительно, преподаватели европейских и особенно польских университетов, которые не занимаются наукой, могут вскоре привести к застопориванию системы в целом. Продолжающийся рост социальной стратификации среди представителей академического сообщества будет оказывать значительное влияние на политику вузов в отношении привлечения и удержания академического персонала, а также систему оценки результатов работы академических сотрудников.

.....

Слияния вузов в Европе

Томас Эстерманн, Энора Беннето-Прюво

Томас Эстерманн — директор по вопросам финансирования, управления и выработки публичной политики Европейской ассоциации университетов (EUA). E-mail: thomas.estermann@eua.be.

Энора Беннето-Прюво — руководитель программ EUA. E-mail: enora.pruvot@eua.be.

Полный текст доклада доступен на сайте EUA: http://www.eua.be/Libraries/Publications_homepage_list/DEFINE_Thematic_Report_2_University_Mergers_in_Europe_final.sflb.ashx.

Слияния и объединения вузов не новый для Европы феномен. Они являются одним из ответов на такие драйверы изменений, как глобализация, интернационализация, погоня за качеством образования и развитием новых методов обучения, распространение рейтингов, рост роли науки и инновации и, конечно, требований постоянно меняющейся экономики. Идея о том, что крупные вузы выигрывают от эффекта масштаба и могут более рационально использовать имеющиеся ресурсы, стала одним из двигателей этого процесса. Однако масштабных исследований этого феномена ни на системном, ни на институциональном уровне пока не было. Европейская ассоциация университетов (EUA) провела исследование, анализирующее эти процессы в высшем образовании 25 европейских стран с точки зрения выявления основных причин слияний, их эффективности и успешности.

Для развития взаимодействия между европейскими университетами существует широкий спектр инструментов — от совместных исследовательских проектов до стратегических альянсов. Слияние — сложный процесс, который ведет либо к появлению совершенно новых юридических лиц, либо к формированию сплоченных объединений, в которых участвует несколько вузов.

За период с 2000 по 2015 год в 25 рассматриваемых европейских странах было зафиксировано около 100 слияний. Причем если в 2000–2006 годах происходило по 3–5 слияний в год, то в 2007–2012 годах — уже по 7–8, а в 2013 и 2014 годах — по 12 и 14 соответственно.

Прирост, начавшийся в 2007 году, связан с образовательными реформами, проводившимися тогда в ряде стран: волна слияний прошла в Дании в 2007 году, во франкоязычной части Бельгии — в 2009–2011 годах, в нидерландоязычной — в 2013 году. Серия крупных слияний прокатилась и по Франции в 2014–2015 годах в рамках общего тренда по созданию университетских сообществ (кооперативных организаций федеративного типа).

Причины и задачи

Можно выделить целый ряд факторов и причин, которые ведут к слияниям университетов, включая академические факторы (например, ожидаемое повышение качества научной работы и обучения), организационные (структурная реорганизация) и финансовые (повышение экономической эффективности за счет роста масштаба).

Одна из наиболее распространенных задач, которые ставят перед собой при слиянии руководители вузов, — это повышение качества научной работы и обучения за счет объединения имеющихся кадров и инфраструктуры, увеличения финансовых и административных ресурсов, а также расширения возможностей для проведения междисциплинарных исследований.

Если же слияния происходят в контексте национальной образовательной реформы, то это часто делается с целью консолидации национального образовательного ландшафта: преодоления разрозненности, формирования критической массы, отказа от дублирующих друг друга образовательных программ, достижения эффекта синергии (путем, например, объединения существующих вузов и исследовательских центров) или приспособления к новым демографическим реалиям.

Идея о том, что крупные вузы выигрывают от эффекта масштаба и могут более рационально использовать имеющиеся ресурсы, стала одним из двигателей этого процесса.

Для вузов слияние — это нередко способ укрепить свои позиции как внутри страны, так и на международной арене. Считается, что слияние с другим вузом — это эффективный способ улучшить свою репутацию, привлечь больше иностранных преподавателей и студентов, а также получить новые возможности в области развития международного сотрудничества.

Экономическая выгода не должна быть ведущим фактором

Достижение экономической эффективности и рациональное использование денежных и человеческих ресурсов являются основными приоритетами для университетов всех европейских стран. При этом сама система финансирования высшего образования в Европе устроена таким образом, что вузам выгодно нанимать больше сотрудников и принимать больше

студентов. Также при финансовом планировании в расчет принимается возможность получения прибыли из частных источников. Однако очевидно, что если при оказании услуг эффект масштаба действительно может играть положительную экономическую роль, то, когда речь идет о принятии решения о слиянии вузов, финансовый фактор не должен выходить на первое место, тем более что издержки этого процесса и реализации новой модели очень высоки. Процесс слияния сам по себе может длиться очень долго, но его реальный финансовый и институциональный эффект может проявиться лишь через несколько лет после его формального завершения. Руководители вузов, прошедших через слияния, нередко признаются, что они недооценивали глубину и длительность грядущих процедурных перемен (например, в сфере управления финансами и человеческими ресурсами) и усилий, которые потребуются для формирования общей культуры. Недооценка приводит к тому, что на процесс перехода закладывается слишком мало времени и ресурсов, что оказывает негативное влияние на его успешность и эффективность в целом.

Основы успешного слияния

Руководители и администраторы вузов, которые участвуют в реализации слияний, должны внимательно подходить к вопросу предварительной экспертизы и оценки предстоящих затрат, а также планирования и реализации проекта, оставаясь при этом в хороших и плодотворных отношениях с чиновниками. Кроме того, они должны обладать ясным видением ситуации и доносить его как до своих коллег и подчиненных, так и до широкой общественности с целью формирования у этих групп доверия к руководителям процесса слияния и готовности помогать.

Принимая во внимание то, что слияние — очень длительный и ресурсоемкий процесс, который довольно сложно «откатить» назад, в каждом конкретном случае оно должно быть оправданно как с академической, так и с финансовой точки зрения. Необходимо сформулировать ясные и точные критерии оценки, которые можно было бы использовать при принятии решения о слиянии, чтобы получать сбалансированные и сопоставимые в широком контексте результаты. Иногда, как показывают результаты оценки эффективности затрат (реальных и предельных издержек) с точки зрения академической и финансовой выгоды, потенциальное слияние оказывается для того или иного вуза не лучшим вариантом развития событий. Тогда его руководству и другим заинтересованным сторонам стоит рассмотреть альтернативные варианты сотрудничества, для того чтобы выбрать оптимальное решение. Результатом их совместной работы должна стать разработка сбалансированного взаимодействия и налаживание процесса, который способствовал бы реализации академической миссии вуза, а не затруднял ее.

.....

Изменение пропорции частного и государственного образования в европейских программах короткого цикла

Снежана Сланчева-Дурст

Снежана Сланчева-Дурст — доцент в сфере наук о высшем образовании, Университет Толедо, штат Огайо, США. E-mail: Snejana.SlantchevaDurst@utoledo.edu.

Наш бюллетень регулярно печатает материалы, подготовленные в центре PROPHE (Программа по исследованию частного высшего образования), который расположен в Университете Олбани (Университет штата Нью-Йорк).

Учреждения высшего образования неуниверситетского типа, называемые образовательными учреждениями короткого цикла, стали популярны в Европе в 1960–70-х годах в результате увеличения спроса на высшее образование, повышения диверсификации среди учащейся молодежи и общей индустриализации общества, требующей высококомпетентной рабочей силы. Институциональное разнообразие учебных заведений, предоставляющих программы короткого цикла, было впечатляющим и включало средние школы с элементами дополнительного образования, технологические институты, колледжи, академии, центры профессиональной подготовки, высшие профессиональные школы, ремесленные училища и т.д. К началу 2000-х годов в них обучалось примерно 18% всех студентов Европы. Эти учебные заведения предлагали программы профессионального обучения короткого цикла, при этом возможности студентов перевестись в университет были настолько ограничены, что практически не существовали. Наряду с государственными образовательными учреждениями короткого цикла появились и частные, которые начали предоставлять образование, недоступное в государственных университетах, и максимально ориентироваться на потребности рынка. К 2002 году в Европе в подобных заведениях обучалось почти 2,5 млн студентов, причем 1 246 480 из них (или 49%) — в частном секторе.

Изменения в образовании короткого цикла

До проходившего в 2003 году Берлинского саммита европейских министров высшего образования программы короткого цикла, как правило, не рассматривались в контексте высшего образования. Однако начиная с 2003 года в связи с развитием Болонского процесса в Европе начали появляться новые современные программы подобного типа. В отличие от предболонского периода, новые программы стали выполнять двойную задачу: с одной стороны — готовить студентов к выходу на рынок труда, с другой — обогащать их знаниями, необходимыми для поступления в обычные вузы и получения впоследствии бакалаврского диплома. Эти инновационные программы являются своего рода мостиком, который соединил разделенные ранее части образовательной системы — профессионально-техническую и университетскую, и обеспечивают возможность более гибких траекторий в образовании. Их двойная функция позволила им встроиться в общую образовательную квалификационную рамку, что нашло отражение и в официальных документах: они получили промежуточный статус в рамках программ первого цикла (бакалавриата) Квалификационной структуры европейского пространства высшего образования (QF EHEA), а также были причислены к 5-му квалификационному уровню Европейской квалификационной структуры непрерывного обучения (EQFLL).

В настоящее время подобные программы есть почти во всех 28 государствах — членах ЕС, хотя в 1960–70-е годы лишь немногие страны признавали их в качестве промежуточного образовательного этапа. Остальным же пришлось так или иначе пересмотреть свой подход. В ряде стран, например в Дании, Венгрии, Исландии и Латвии, программы короткого цикла стали составной частью бакалаврского образования, а Нидерланды, Бельгия, Мальта и Великобритания специально ввели для них новую образовательную классификацию. На 2012 год 42% всех студентов программ короткого цикла приходилось на частные образовательные учреждения, что превышает долю студентов частного сектора, получающих традиционное университетское образование. Особенно распространены частные образовательные учреждения короткого цикла во Франции, Польше, Португалии, Германии, Бельгии и Испании.

Спад частного образовательного сектора

Произошедшая модернизация программ короткого цикла особенно сильно отразилась на частных провайдерах, которые испытали существенный спад количества студентов не только в относительном, но и в абсолютном исчислении и в период с 2003 по 2012 год потеряли почти четверть (23%) от прежнего числа студентов.

Произошедшая модернизация программ короткого цикла особенно сильно отразилась на частных провайдерах, которые испытали существенный спад количества студентов не только в относительном, но и в абсолютном исчислении...

Худшим в этом отношении стал 2003–2004 учебный год, когда частные провайдеры образовательных программ короткого цикла одновременно потеряли 27% студентов в связи с внедрением Болонского процесса. А количество тех, кто обучался в государственных образовательных учреждениях аналогичного типа, наоборот, возросло в 2003–2012 годах в общей сложности на 9%, хотя на протяжении этого периода не раз наблюдались подъемы и спады. Эти трансформации привели к изменению межсекторального баланса: если в 2003 году частный сектор превосходил государственный в два раза, то к 2012 году они практически сравнялись.

Чем обусловлен спад частного образовательного сектора?

Резкий спад интереса к коротким образовательным программам частного сектора, начавшийся после 2003 года, может быть обусловлен несколькими причинами. Во-первых, тот факт, что этот процесс начался сразу после внедрения Болонской системы, заставляет предположить, что Болонский процесс стал своего рода отправной точкой. Реализация программ короткого цикла в этих условиях требовала соотнесения (прямого или косвенного) с бакалаврскими программами, и это соотнесение было возможно только в условиях успешного межорганизационного сотрудничества и партнерства. Подобное сотрудничество, особенно между частными и государственными образовательными учреждениями, довольно проблематично. Программы частных учреждений в основном были более низкого уровня, а государственные, как правило, имели крепкую связь с бакалаврским образованием, в результате чего они получали преимущество.

Особенно сильно спад, начавшийся в 2003–2004 годах, ударил по частным образовательным программам короткого цикла, не менее половины финансирования которых осуществлялось за счет государственных средств.

Такие программы существовали в десяти европейских странах. Если в 2003 году на этих программах обучалось около миллиона студентов, то к 2012 году их количество упало примерно на треть. В одних странах (например, в Нидерландах) подобные программы вообще прекратили свое существование, в других (Латвия, Словения, Великобритания) подпали под сокращение. При этом численность студентов на программах, не финансировавшихся за счет бюджета, за тот же период, наоборот, возросла на 24%. Однако, даже несмотря на такой рост, количество студентов на этих программах значительно ниже, чем количество студентов на тех программах, которые ранее финансировались за счет государственных средств (на 2012 год на них обучалось лишь 182 285 студентов, а на государственных программах десять лет назад было 655 868 студентов). Это говорит о том, что спад в частном секторе действительно оказался очень существенным.

В завершение можно сделать обобщенный вывод о смене баланса сил в области реализации образовательных программ короткого цикла. В каком-то смысле можно сказать, что государственные программы подобного типа заменили или даже вытеснили частные программы с масштабным государственным финансированием, что свидетельствует об обострении различий между европейскими частными и государственными учреждениями, реализующими программы образования короткого цикла.

.....

Высшее образование в Албании: нескончаемый поток проблем

Бленди Кайсиу

Бленди Кайсиу — независимый исследователь, PhD, Эксетерский университет, Великобритания. E-mail: kajsiu@yahoo.com.

Эта статья была опубликована в полном формате в Stepping Into a New Era под ред. А. Гласса (European Association for International Education, 2014, Conference Conversation Starter).

В 1991 году, после падения в Албании коммунистического строя, система высшего образования страны стала разрываться между массовизацией и недофинансированием. Только за последние 10 лет количество студентов в албанских вузах практически утроилось. Однако правительство не поддержало такой быстрый рост численности студентов соответствующим

увеличением финансирования. На 2015 год Албания продолжает оставаться страной с самой низкой долей расходов ВВП на высшее образование, составляющей примерно 0,6%. Это означает, что, хотя формально высшее образование стало доступно большему числу студентов, его качество значительно снизилось.

В течение последних 25 лет албанское правительство использовало три различных подхода к решению задачи удовлетворения растущего спроса на высшее образование в условиях ограниченных финансовых ресурсов. В первое десятилетие переходного этапа (начало 1990-х — начало 2000-х годов) в качестве основной рассматривалась задача увеличения количества государственных вузов. На втором этапе, который длился с 2005 по 2013 год, когда страной руководила Демократическая партия, правительственная стратегия была направлена в основном на стимулирование частных вузов, которые смогли бы удовлетворить ту часть растущего спроса на высшее образование, которую не могли удовлетворить государственные вузы. Начиная с 2013 года, когда к власти вернулась Социалистическая партия, новый этап реформ предполагает объединение государственного и частного сектора и трансформацию вузов в некоммерческие организации, которые будут финансироваться частично из государственных, а частично — из частных источников.

Расширение государственного образовательного сектора, 1995–2005 годы

Откликаясь на увеличение спроса на высшее образование, правительство Албании начало расширять государственный образовательный сектор. Существовавшие ранее вузы, расположенные за пределами столичной Тираны, были трансформированы в университеты. Благодаря этому в период с 1992 по 1998 год в стране появилось шесть новых университетов, а к 2005 году государственные университеты были уже во всех основных городах Албании.

Эти изменения, с одной стороны, помогли увеличить численность студентов, обучающихся в вузах, а с другой — негативно сказались на качестве образования. Постоянное увеличение численности студентов в государственных университетах без соответствующего увеличения финансирования повлекло за собой значительное снижение качества обучения и исследований. Огромное количество лекционных часов в переполненных аудиториях не оставляло преподавателям никакой возможности для занятий наукой. А бюджетные ограничения вынуждали университеты привлекать более дешевых преподавателей, перед которыми ставились исключительно образовательные задачи. Во многих случаях факультеты не могли обеспечить даже минимально допустимого законом соотношения по числу студентов на одного преподавателя или по профессиональной квалификации членов профессорско-преподавательского состава.

Расширение частного образовательного сектора, 2005–2013 годы: рынок нас спасет!

В 2005–2013 годах, когда к власти пришла Демократическая партия, в стране появилось около 50 новых частных вузов и количество студентов в частном секторе возросло в 15 раз. Правительство ограничило свой функционал выдачей лицензий, не уделяя внимания оценке качества предоставляемых услуг. Благодаря такой политике к 2014 году Албания стала европейским лидером по количеству частных вузов на миллион жителей.

В течение всего этого периода Демократическая партия полностью закрывала глаза на качество высшего образования как в частном, так и в государственном секторе. Правительство постоянно повышало контрольные цифры приема в государственные вузы, не выделяя при этом дополнительных средств, и одновременно лицензировало новые частные вузы. При этом оно игнорировало крупные скандалы, связанные с наиболее коррумпированными частными вузами, которые просто продавали дипломы, в том числе гражданам соседних стран, например Италии, даже не владевшим албанским языком.

Снижение качества образования в государственном секторе негативно сказалось на качестве образования лучших частных вузов. Когда государственные вузы в условиях нехватки ресурсов значительно снизили свои стандарты и открыли двери всем желающим, количество и качество потенциальных абитуриентов частных вузов, готовых платить за свое образование, резко сократилось. В результате ряд крупных частных вузов стал снижать издержки путем уменьшения числа преподавателей и понижения академических стандартов.

Социалистическая реформа: объединение государственных и частных вузов

В июне 2013 года вернувшаяся к власти Социалистическая партия пообещала принять новый закон об образовании, который позволит повысить уровень высшего образования в стране до европейских стандартов. Для подготовки этого закона была проведена общая проверка состояния дел в секторе, которая к августу 2014 года привела к закрытию 17 частных и 8 государственных вузов. Правительство также планирует привлечь британское Агентство по контролю качества высшего образования для оценки качества остальных учебных заведений.

Тем не менее начатые социалистами позитивные изменения имеют значительные ограничения, связанные с недостатком средств для достойного финансирования высшего образования. Новый закон позволяет вузам самостоятельно зарабатывать, увеличивая стоимость обучения, тем самым дополняя недостаточность государственного финансирования.

Одновременно он дает право частным вузам претендовать на получение государственных средств в случае трансформации в некоммерческую организацию, что ведет к размыванию различий между частными и государственными вузами.

Эти изменения, с одной стороны, помогли увеличить численность студентов, обучающихся в вузах, а с другой — негативно сказались на качестве образования.

Крупные реформы высшего образования, не сопровождаемые необходимым увеличением финансирования со стороны государства, не сулят ничего хорошего. Нынешнее правительство, равно как и предыдущие, так и не взяло на себя четких обязательств по выделению необходимого для высшего образования бюджета. За последние два года (2013–2015) дополнительных средств на эту сферу практически не было выделено, даже несмотря на то, что ранее, находясь в оппозиции, социалисты признавали, что сектор высшего образования значительно недофинансирован. В ближайшем будущем изменение ситуации представляется маловероятным, особенно с учетом того, что в феврале 2014 года правительство Албании взяло у МВФ заем в размере 330 млн долларов США, основная задача которого состоит в сокращении государственных расходов. В этих обстоятельствах проблемы высшего образования в Албании останутся нерешенными.

.....

Проблемы высшего образования в Румынии

Лиджа Дека

Лиджа Дека — аспирантка Люксембургского университета. E-mail: ligia.deca@uni.lu.

Данная статья в более полной версии выходила в *Stepping Into a New Era* под ред. А. Гласса (European Association for International Education, 2014, Conference Conversation Starter).

Румыния относительно недавно вступила в Евросоюз (в 2007 году) и НАТО. Ее геостратегические цели выглядят четко определенными и не вызывают споров. Одним из аспектов реинтеграции в западноевропейскую демократию стало понимание необходимости проведения реформ в области высшего образования. Однако румынская образовательная политика последней четверти века проводилась по большей части бессистемно, без опоры на конкретные количественные данные, без оценки последствий принимаемых решений, без учета мнения заинтересованных сторон. Обсуждение новых версий национального закона об образовании, похоже, является навязчивой идеей каждого нового министра, при этом попыток вникнуть в то, какие перемены в образовании на самом деле необходимы стране, так и не предпринималось.

Международные нормы оказали огромное влияние на внутреннюю политику страны, поэтому современную историю румынской системы высшего образования можно разделить на три основных этапа: этап международных сил, который начался в 1989 году (переходу от старой модели высшего образования к новой способствовала помощь Всемирного банка, ОЭСР, Еврокомиссии и Европейского центра высшего образования ЮНЕСКО); болонский этап — присоединение к Болонскому процессу, которое началось в 2004–2005 годах с пересмотра некоторых правовых норм с целью приближения румынской системы высшего образования к европейской (введение системы образовательных кредитов ECTS, приложений к диплому европейского образца и системы контроля качества обучения); последний этап — этап международной конкурентоспособности, сформировавшийся под влиянием распространения идей рейтингования университетов и университета мирового класса, а также в связи с демографическими проблемами.

Политическую среду в Румынии нельзя назвать стабильной: 20 министров образования в течение последних 25 лет пытались выработать новое видение роли и структуры системы образования. Это привело к развитию неповоротливых бюрократических структур и законодательной непоследовательности: лишь немногие политические решения этого периода можно назвать успешными.

Политическое лицемерие

В рамках планирования бюджета Еврокомиссии на 2014–2020 годы Румыния должна была разработать национальную стратегию и план действий в отношении следующих вопросов: высшее образование; высокая доля молодежи, не оканчивающей школу; непрерывное образование. В 2013–2014 годах Румыния разработала соответствующие документы при поддержке Всемирного банка и направила их в Еврокомиссию. Несмотря на всю значимость этих вопросов документы так и не стали объектом общественной дискуссии, а исследования, которые легли в их основу, — руководством к действию для политиков. Таким образом, в очередной раз была упущена возможность проведения продуманных реформ высшего образования и принятия одобряемых обществом решений. Это еще раз говорит о политическом лицемерии румынских деятелей от высшего образования, которые формулируют для аудитории внутри страны и для международного сообщества различные послы.

Так как перед Румынией стоит ряд вопросов, которые больше невозможно игнорировать, — демографический спад, проблема равного доступа к образованию, объем государственных вложений в образование, интернационализация образования, — было бы логично до начала новых реформ выработать согласованную со всеми заинтересованными сторонами политику.

Демографический спад

Демографический спад — одна из основных проблем современной Румынии. Вузы вынуждены адаптироваться к тенденции снижения количества потенциальных абитуриентов, которая продолжится в течение еще нескольких десятилетий. Это означает, что систему высшего образования необходимо реструктуризировать с целью перераспределения ресурсов в пользу наиболее востребованных студентами университетов. Так как этот вопрос политически сложный и неоднозначный, для его решения было сделано очень мало. Его можно было бы решить путем проведения целенаправленной политики повышения равенства в высшем образовании и развития интернационализации, если бы политики и представители академического сообщества пришли к консенсусу.

Равенство доступа к высшему образованию

К сожалению, равенство доступа к высшему образованию остается спорным вопросом, так как выбивается из господствующего меритократического дискурса. Политики стараются избежать обсуждения вопроса равного доступа к высшему образованию, хотя в программе нынешнего правительства четко прописано, что преодоление социального неравенства, в том числе в доступности высшего образования, — одна из трех основных стоящих перед страной задач. В Румынии увеличивается и без того довольно высокая доля

подростков, которые не оканчивают школу, а значит, снижается количество потенциальных абитуриентов вузов. Румыния, похоже, не справляется с поставленной Евросоюзом задачей снизить к 2020 году долю бросающих школу до 11%. К системным проблемам школьного образования относится низкое качество сельских школ, низкая зарплата учителей, отсутствие адекватных программ повышения квалификации. Кроме того, поддержки не получают дети из бедных и цыганских семей, поэтому доля посещающих школу среди них мала. Выходцам из неблагополучной социальной среды очень сложно пробиться в вузы, а значит, Румыния теряет талантливую молодежь в угоду реализации политики меритократии.

Образование как статья расходов, а не как возможность для инвестиций

Проблема недофинансирования высшего образования стоит во многих странах, однако в Румынии уровень расходов в расчете на одного студента рекордно низок по сравнению с остальными членами ЕС. Согласно нынешнему закону об образовании на эту сферу должно выделяться не менее 6% ВВП. Однако на самом деле средства в таком объеме ни разу не были выделены, хотя почти все основные политические силы Румынии называют поддержку образования одним из приоритетных направлений своих предвыборных программ. Самое большое количество студентов в стране было в 2008–2009 годах, но с тех пор оно сократилось на 40%. Иными словами, у правительства была возможность увеличить размер финансирования в пересчете на одного студента, не повышая при этом общий объем выделяемых средств и не нанося ущерб другим недофинансированным государственным приоритетам. Но вместо этого было принято решение о снижении общего объема вложений пропорционально уменьшению количества студентов, то есть правительство упустило возможность повысить качество образования за счет увеличения финансирования.

...румынская образовательная политика последней четверти века проводилась по большей части бессистемно, без опоры на конкретные количественные данные, без оценки последствий принимаемых решений, без учета мнения заинтересованных сторон.

Кроме того, оно проигнорировало возможность расширения поддержки вузов, показывающих высокие результаты по приоритетным задачам (высокий уровень трудоустройства выпускников, обеспечение равного доступа, интернационализация, успешная научная работа), предусмотренную действующим законом. Двойной дискурс проявляет себя с новой силой, как только заканчиваются выборы.

Успехи в области интернационализации?

Интернационализация занимает важное место в политической повестке дня. Румыния старается быть активным игроком международного политического пространства. В 2010–2012 годах в Румынии располагался Болонский секретариат, а в апреле 2012 года в Бухаресте прошли конференция министров образования стран ЕС и Третий Болонский стратегический форум. В дополнение к успешным инициативам в области интернационализации ведется несколько проектов, направленных на выработку последовательной стратегии с целью ее дальнейшей реализации на национальном и институциональном уровне. Одна из инициатив, которая реализуется за счет средств ЕС, принадлежит Исполнительному агентству в области поддержки высшего образования, науки, развития и инноваций (UEFISCDI) и Международной ассоциации университетов (IAU). Она направлена на помощь 20 румынским вузам в разработке институциональной стратегии интернационализации. Кроме того, UEFISCDI и IAU проводят исследования, которые впоследствии должны лечь в основу национальной стратегии по интернационализации высшего образования. То, что необходимость интернационализации не вызывает ни у кого сомнений, особенно хорошо заметно в текстах стратегических планов румынских вузов. Однако участники национальных дебатов говорят о том, что основная причина заключается в желании привлечь как можно больше платных студентов из стран, не входящих в ЕС.

Румынии нужна политическая последовательность

Румыния может рассматриваться как своего рода экспериментальная площадка, на которой прослеживается история 25-летнего переходного периода изменения образовательного ландшафта под влиянием международных сил и норм. Несмотря на то что в целом страна открыта для международного взаимодействия, значимые реформы по-прежнему разрабатываются в закрытом режиме, что во многом связано с политическим лицемерием власть имущих, которые не хотят ни терять голоса, ни позорить себя в глазах международных наблюдателей. Однако, если политики не начнут привлекать широкую общественность к обсуждению существующих проблем и возможных решений и принимать во внимание положительный опыт других стран и свои международные обязательства, высшее образование Румынии по-прежнему останется в уязвимом положении.

Коррупция в российских вузах

**Наталья Румянцева,
Елена Денисова-Шмидт**

Наталья Румянцева — старший преподаватель Гринвичского университета, Великобритания. E-mail: N.Rumyantseva@greenwich.ac.uk.

Елена Денисова-Шмидт — лектор в Университете Санкт-Галлена, Швейцария, стипендиат программы Edmond J. Safra Network в Гарвардском университете, США. E-mail: elena.denisova-schmidt@unisg.ch.

Россия стремится стать научной сверхдержавой и делает это довольно успешно, особенно на уровне стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). Одной из приоритетных задач, которую ставит перед собой российское правительство в череде идущих в высшем образовании реформ (присоединение к Болонскому процессу, переход на ЕГЭ), — преодоление коррупции. Но почему это явление получило такое широкое распространение в высшем образовании? В этой статье мы рассуждаем о взаимосвязи коррупции и неподобающих взаимоотношений между всеми акторами высшего образования. Неподобающие взаимоотношения — это отношения взаимозависимости, которые приводят к нездоровым или неконструктивным последствиям. Молодые россияне без диплома о высшем образовании имеют меньше возможностей на рынке труда. Преподаватели находятся под давлением администрации университетов, требующей любой ценой удерживать студентов в учебном заведении. Руководство государственных вузов пребывает в финансовой зависимости от Министерства образования и науки, а руководители частных вузов зависят от студентов.

Демографический кризис и «неприкасаемые» студенты

Многие российские вузы переживают тяжелые времена. Начиная с 1990-х годов в стране неуклонно снижается рождаемость, а значит, и количество абитуриентов. При этом в 2014–2015 годах в стране насчитывается 950 университетов, из них 548 государственных и 402 частных, у которых более 1600 филиалов в регионах. Однако позволить себе отбирать абитуриентов могут только 30–40 наиболее престижных вузов, получающих щедрую поддержку от государства.

Основная масса вузов конкурирует за абитуриентов, многие из которых плохо подготовлены и не заинтересованы в получении хорошего образования, а вместо этого просто тянут время, дожидаясь диплома, не стремясь ничему научиться. Студентов в стране очень много. Ежегодно почти 80% выпускников школ

поступает в вузы, и большинство из них получает диплом. Эти довольно стабильные показатели сохраняются со времен распада СССР в 1991 году.

Институциональная ловушка

В результате пересечения этих противонаправленных тенденций возникает перевернутая ситуация, при которой вузы больше нуждаются в студентах, чем студенты — в вузах. В государственных вузах действует подушевая система финансирования. Отчислив студента, вуз обязан вернуть государству полученные на него деньги. На практике это сделать практически невозможно, потому что эти деньги необходимы для оплаты труда сотрудников и покрытие других расходов. Кроме того, отчисления могут привести к тому, что на следующий год государство сократит бюджет вуза, а значит, ему придется сокращать персонал или закрывать программы. Частные университеты существуют исключительно за счет денег, которые студенты платят за обучение. За редким исключением они просто не могут существовать без студентов. Ситуация еще больше осложняется тем, что университеты могут функционировать только на основании государственной лицензии и должны постоянно работать над повышением качества образования. Противостояние студентов, имеющих весомые рычаги влияния, и практически бесправных университетов усугубляет сложившийся конфликт интересов, и это является основой того, что мы называем неподобающими взаимоотношениями. В результате вузы оказываются зажатыми в институциональной ловушке между студентами и их предпочтениями и необходимостью работать в соответствии с нормативными требованиями, которая осложняет их повседневную деятельность.

Институциональная адаптация и коррупция

Стремление к выживанию и самосохранению — сильные мотиваторы. Они заставляют вузы изобретать новые способы адаптации к возникающим трудностям. В ситуациях, когда под угрозой оказывается как благополучие организаций, так и личная финансовая стабильность, преподавателям не остается

другого выбора, кроме как неформально понижать планку, продолжая при этом создавать видимость качественного образования, для того чтобы соответствовать государственным стандартам. Снижение стандартов порождает цинизм, профессиональное разочарование и ненависть к студентам и правительству, которое не может найти выход из сложившейся ситуации.

Снижение стандартов и усиление цинизма создают благодатную почву для расцвета коррупции. В ситуации, когда интеллектуальное общение со студентами перестает приносить былое профессиональное удовлетворение, идея о том, что студенты могут являться источником дополнительного дохода, является своего рода утешением. Каждый преподаватель стоит перед выбором — участвовать в коррупционных схемах или нет. Те, кто принимает отрицательное решение, в итоге вынуждены молча снижать свои стандарты. А те, кто согласился, получают дополнительный доход, таким образом компенсируя неоправданно низкий заработок и получая выгоду от сложившегося дисбаланса сил, пусть хотя бы и на личном уровне. Таким образом, можно говорить о существовании своего рода академического заговора, обладающего очень сильной внутренней структурой, которая поддерживает финансово и психологически тех, кто в ней участвует, и наказывает тех, кто находится за ее пределами.

Кто виноват и что делать?

У многих студентов — по крайней мере, у некоторых из них — отсутствует должная мотивация к учебе на момент поступления в вуз. Возможно, ее и не стоит ожидать от очень молодых или даже несовершеннолетних людей, живущих в обществе, где рабочие профессии потеряли былой престиж, а система профессионально-технического образования практически разрушена. Разочарованные, опечаленные и перегруженные преподаватели выбирают между участием в очевидных финансовых или скрытых нефинансовых коррупционных схемах, закрывая глаза на недобросовестное поведение студентов. Они могут даже не осознавать, что делают что-то крамольное. Очень часто они работают в тех же вузах, которые они окончили ранее, и просто воспроизводят знакомые со студенческой скамьи модели поведения. Правительство, с одной стороны, пытается улучшить международную репутацию российского высшего образования, а с другой — закрывает глаза на закономерные демографические тенденции и на слабые знания выпускников школ. Все участники процесса, включая правительство, оказались заложниками всесторонней институциональной ловушки искаженных связей и ущербных отношений, которая создает благодатные условия для расцвета коррупции. Каждый ощущает себя жертвой, что заставляет его поверить в свою беспомощность и в то, что «система» сильнее отдельных ее членов.

.....

В результате пересечения этих противонаправленных тенденций возникает перевернутая ситуация, при которой вузы больше нуждаются в студентах, чем студенты — в вузах.

Будущее государственного высшего образования в Калифорнии

Саймон Марджинсон

Саймон Марджинсон — стипендиат программы Clark Kerr Lecturer on Higher Education Калифорнийского университета 2014 года, профессор международного высшего образования в Институте образования Лондонского университета, Великобритания, и главный редактор журнала Higher Education. E-mail: S.Marginson@ioe.ac.uk.

После окончания Второй мировой войны Калифорния всегда оказывалась на волне модернизма. Новые социальные веяния, тенденции и проблемы проявлялись в Калифорнии раньше, чем где бы то ни было. Так, например, можно выделить четырнадцатилетний период удивительных калифорнийских достижений: в 1964 году в Беркли набрало силу студенческое движение, затем появились хиппи и зародилась коллективная контркультура (Сан-Франциско, 1967), а в 1978 году жители штата проголосовали за принятие 13-й поправки, ограничившей местный налог на недвижимость, с которой началось общеамериканское движение за снижение налогового бремени. Все эти движения распространились по всему миру, и некоторые их отголоски слышны до сих пор. 1980-е и 1990-е — период феноменов Кремниевой долины и корпорации Стива Джобса, которые преуспевают и по сей день. И конечно, нельзя не отметить огромную историческую и современную роль калифорнийских телевизионных и кинокомпаний.

В течение последних 60 лет Калифорния всегда оставалась лидером в области высшего образования и университетской науки, а также двигателем новых идей о высшем образовании. В Калифорнии сосредоточено на удивление много первоклассных государственных вузов (например, Калифорнийский университет в Беркли, Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, Калифорнийский университет в Сан-Диего), а также целый ряд выдающихся частных университетов: Стэнфорд, Калифорнийский технологический институт, Университет Южной Калифорнии. Соревноваться с Калифорнией по количеству ведущих вузов может лишь Бостон, где частное высшее образование играет гораздо более весомую роль, но даже он отстает.

Генеральный план развития высшего образования в Калифорнии

Удивительно, что именно Калифорния, где царит идеология капитализма, стала мировым лидером по уровню развития государственных вузов и реализации принципа доступного высшего образования.

Отправной точкой для этого стал появившийся в 1960 году Генеральный план развития высшего образования в Калифорнии. Его разработкой руководил Кларк Керр, который в то время исполнял обязанности президента объединения девяти государственных исследовательских университетов, известных под брендом Калифорнийского университета (сейчас их десять). Проект разрабатывался при поддержке губернатора и законодательного собрания штата и был призван ответить на растущий запрос общества по повышению доступности высшего образования.

В те времена Калифорния была лидирующим штатом по доле молодых людей, получающих высшее образование. Разработанный командой Кларка план был нацелен на дальнейшее расширение системы высшего образования с одновременным усилением исследовательской и образовательной составляющей деятельности университетов и основан на ставшем впоследствии очень популярным принципе дифференциации. Основные характеристики описанной в Генеральном плане модели высшего образования — это доступность, низкая стоимость обучения для студентов и обширная финансовая поддержка со стороны властей штата. Слишком больших затрат удалось избежать благодаря тому, что расширение системы происходило преимущественно за счет создания двухгодичных муниципальных колледжей, в исследовательские университеты (Университет Калифорнии) поступало только 12,5% лучших выпускников школ, а между ними находились четырехгодичные колледжи Университета штата Калифорния. Эта трехсоставная схема действует до сих пор. Такой подход выглядит как высокостратифицированный (во многих странах на исследовательские вузы приходится половина или даже более половины всех студентов), однако на практике многие студенты имеют возможность перевестись из муниципального колледжа в Университет штата Калифорния или в один из государственных исследовательских университетов.

Интересно даже не то, что Генеральный план развития высшего образования в Калифорнии привел к формированию такой трехчастной, высокосегментированной системы, а то, что она оказалась такой устойчивой — даже несмотря на то, что с течением времени Университет штата Калифорния и муниципальные колледжи постепенно отошли от первоначально заложенной миссии. С самого начала своего существования калифорнийский Генеральный план был оценен американским и международным сообществом как удачный механизм совмещения в рамках одной системы элитарных исследовательских и доступных массовому абитуриенту университетов. Китайская реформа высшего образования, начавшаяся в конце 1990-х годов, была во многом списана с калифорнийской модели.

В целом в том, что касается поддержания качества высшего образования, калифорнийский план оказался успешен. Согласно Шанхайскому рейтингу, семь из нынешних десяти филиалов Калифорнийского

университета входят в топ-50 лучших мировых исследовательских вузов, а девять из десяти — в топ-150. Конечно, филиалы Калифорнийского университета в Беркли, Лос-Анджелесе и Сан-Диего немного уступили Стэнфорду и Гарварду в борьбе за лучших ученых, особенно в период рецессии 2008 года, однако их научные результаты по-прежнему очень высоки.

А вот удержание доступности высшего образования на прежнем уровне в силу разных причин оказалось более сложной задачей.

Провал проекта общедоступного высшего образования

С одной стороны, элитный Калифорнийский университет относительно доступен. Доля студентов из бедных семей или семей, в которых ранее никто не получал высшего образования, намного выше в кампусах Калифорнийского университета, чем в Стэнфорде или Гарварде. В каждом из двух филиалов Калифорнийского университета — в Беркли и Лос-Анджелесе — учится больше студентов из бедных семей, чем во всех университетах Лиги плюща. Более того, в Беркли 40% студентов бакалавриата вообще не платят за обучение, 65% получают финансовую помощь, а примерно половина оканчивает вуз без долгов по кредитам. Для страны, в которой стоимость обучения неуклонно растет, это просто невероятные цифры. Ни один другой вуз из ведущей мировой десятки не является таким же доступным, как Беркли. Хотя надо отметить, что все студенты Беркли независимо от их происхождения обладают исключительными академическими данными.

Однако в масштабах страны все это лишь капля в огромной системе, не обеспечивающей равного доступа к образованию. Данные Сюзанны Меттлер показывают, что из всех американцев, занимавших в 2011 году верхний квартиль по доходам, 71% имели возможность в юности окончить колледж, что значительно выше данных 1970 года, когда их доля составляла всего 40%. В нижнем квартиле доля людей, получивших высшее образование, также выросла за этот период, но значительно меньше: с 6 до 10%. А среди американцев, входящих во второй снизу квартиль по доходу, доля людей с образованием выросла с 11 до 15%. Другими словами, наименее обеспеченная половина населения

В каждом из двух филиалов Калифорнийского университета — в Беркли и Лос-Анджелесе — учится больше студентов из бедных семей, чем во всех университетах Лиги плюща.

по-прежнему практически не имеет доступа к высшему образованию, что способствует воспроизводству социального неравенства в обществе.

На 2012 год отношение числа оканчивающих учебное заведение к числу поступивших в Калифорнии составляло в среднем 78,5%, причем различия между богатыми и бедными районами, а также между районами с разной доминирующей этнической группой были огромными: среди представителей испаноязычного населения этот показатель составлял 73,2%, среди афроамериканцев — 65,7%. Качество образования в муниципальных и четырехгодичных колледжах, а также число студентов, которые переводятся в более престижные вузы, сильно зависит от того, где эти колледжи расположены.

Почему так получилось? Некоторые полагают, что причиной проблем стала та самая 13-я поправка. Она была заявлена как закон, построенный на социальных принципах, а на самом деле привела к реализации антисоциальной доктрины, в рамках которой действия правительства по сбору и распределению налогов воспринимаются как нарушение свободы личности. В результате принятия этой поправки власти Калифорнии практически потеряли возможность увеличивать налоги, что привело к бюджетному кризису в штате. Поскольку 13-я поправка по-прежнему в силе, дальнейшие усилия по развитию системы государственного высшего образования в штате практически обречены на провал.

С тех пор как в 2008 году страна вошла в рецессию, власти Калифорнии сократили финансирование высшего образования уже на треть. Впервые с 1960 года все университеты калифорнийской системы вынуждены отказываться талантливым абитуриентам. Муниципальные колледжи перестали быть общедоступными, так что многие молодые люди вынуждены идти в частные вузы, печально известные низкой долей студентов, оканчивающих обучение, и высокой долей тех, кто оканчивает его с огромными долгами.

Куда теперь?

В настоящий момент Калифорнийский университет стоит перед непростым выбором: резко повысить стоимость обучения, сделав его тем самым менее доступным, либо резко сократить расходы на образовательную деятельность, еще в большей степени усугубив образовательное и социальное неравенство.

Стоит ли ожидать, что Калифорнией продолжит править безудержный индивидуализм и бюджетный неолиберализм и что госрасходы на высшее образование продолжат сокращаться? Или же калифорнийцы найдут способ поддержать идею доступного высшего образования, признав тем самым, что она соответствует интересам каждого члена общества? Если им это удастся, Калифорния снова подаст миру положительный пример. Хорошим началом на этом пути могла бы стать отмена 13-й поправки.

.....

Вьетнам: трудности в реализации совместных международных образовательных программ

Тхю Т. До

Тхю Т. До — аспирант программы по управлению высшим образованием Университета Сент-Луиса, США. E-mail: tdo10@slu.edu.

Одним из результатов глобализации является неуклонное увеличение в течение последних десяти лет количества совместных международных образовательных программ вьетнамских и зарубежных университетов. Обычно университеты и другие вовлеченные в процесс реализации программ организации рапортуют о достижении поставленных целей и успешности программ, однако на самом деле их успехи следует оценивать критически. Различия в системах образования разных стран и трудности коммуникации часто приводят к просчетам. Некоторые образовательные программы по тем или иным причинам становятся вялотекущими, другие прекращают существование, третьи нуждаются в пересмотре.

Совместные международные образовательные программы во Вьетнаме

Совместные международные образовательные программы — это такие программы, которые реализуются вьетнамскими вузами в сотрудничестве с зарубежными. Студенты могут выбирать: либо учиться на протяжении всего периода во Вьетнаме, либо прослушать во Вьетнаме часть курсов, а завершить программу за рубежом. В учебный план входят курсы, разработанные как вьетнамской стороной, так и партнерами. По окончании программы выпускники получают диплом зарубежного вуза.

По данным на январь 2015 года, Министерство образования и подготовки кадров (МОПК) Вьетнама одобрило 266 совместных программ. Большинство из них реализуется совместно с университетами из Франции (42 программы), Великобритании (40), США (33), Австралии (27) и Тайваня (20). Тематика большей части программ связана с экономикой и бизнесом: это программы по бухгалтерскому учету, деловому администрированию, финансам, информационным технологиям и маркетингу.

Государственное регулирование

Высшее образование во Вьетнаме напрямую подчиняется центральному правительству. Несмотря на проведение рыночных реформ, Вьетнам остается унитарным нефедеративным государством, власть в котором принадлежит Национальному собранию — высшему законодательному органу. Будучи частью центрального правительства, МОПК управляет всеми колледжами и университетами и регулирует образовательные обмены. МОПК отвечает за все уровни образования, за исключением профессионально-технического, которое находится в ведении Министерства труда, социального развития и по делам инвалидов. МОПК согласовывает все образовательные программы, предлагаемые вьетнамскими вузами, а также определяет контрольные цифры приема студентов, стоимость обучения и учебные планы в государственных вузах. МОПК проверяет и согласовывает все программы обмена и занимается стратегическим планированием и разработкой проектов, получивших поддержку иностранных инвесторов. Кроме того, МОПК вырабатывает критерии и осуществляет проверку качества совместных международных образовательных программ.

В октябре 2012 года правительство Вьетнама приняло закон «О международном сотрудничестве и иностранных инвестициях в сфере образования». Этот закон регулирует все вопросы, касающиеся создания и реализации международных образовательных программ, начиная с того, как получить разрешение на реализацию такой программы, и заканчивая тем, сколько студентов-вьетнамцев должно учиться вместе в одной аудитории. Нормативные документы и указания центрального правительства и МОПК обозначают рамки, в которых могут функционировать зарубежные вузы, обучающие местных студентов вместе с вьетнамскими вузами, при наличии соответствующего разрешения МОПК или Министерства труда, социального развития и по делам инвалидов.

Новые проблемы

Первые совместные программы начали открываться во Вьетнаме еще в 2000 году, однако закон, направленный на их регулирование, был принят лишь в октябре 2012-го. В 2011–2012 годах при правительстве Вьетнама был создан специальный комитет по оценке подобных программ, который выявил множество нарушений. Одно из наиболее частых нарушений касалось того, что вузы (как вьетнамские, так и зарубежные) начинали набор на программы еще до их утверждения МОПК. Так, например, Университет Фуонгдонг и австралийская тренинговая компания Humanagers объявили об открытии совместной программы и провели набор студентов до того, как получили одобрение МОПК. Другие проекты довольно долго действовали без разрешения министерства: такой оказалась совместная программа Вьетнамско-американского профессионально-технического колледжа и расположенного в штате Флорида

В октябре 2012 года правительство Вьетнама приняло закон «О международном сотрудничестве и иностранных инвестициях в сфере образования».

Брауэрд-колледжа, преподавание на которой началось еще в 2007 году и через которую успело пройти более 700 студентов.

Качество таких программ и участвующих в их реализации иностранных вузов тоже вызывает вопросы. Как выявила правительственная комиссия, некоторые из этих вузов оказались недобросовестными организациями со скверной репутацией. Во Вьетнаме действует множество консультационных центров, помогающих студентам, которые хотели бы учиться за рубежом, записаться на онлайн-программы зарубежных вузов. К примеру, корреспонденты вьетнамского издания Thanh Nien Online связались с представителями фирмы Orchard Edu Group, которая сотрудничает с Университетом Сандерленда (Великобритания), и выяснили, что этот университет предлагает дистанционную магистратуру в области делового администрирования, куда активно набирает вьетнамских студентов. От абитуриентов даже не требуется иметь диплом бакалавра — достаточно наличие пятилетнего опыта работы. Длится обучение шесть-восемь месяцев. Очевидно, что все подобные центры не имеют права выступать в роли приемных комиссий и их деятельность в целом вызывает большие вопросы. Ни один из зарубежных вузов, которые пришли на вьетнамский рынок, не входит в своей стране в сотню лучших учебных заведений. Похоже, что привлечь во Вьетнам лучшие международные вузы не так-то просто.

Еще одна проблема состоит в том, что стоимость обучения на совместных программах значительно превышает стоимость обучения в обычном вьетнамском вузе. Так, например, совместная программа Ханойского университета науки и технологий и Университета Трой (Алабама, США) стоит 10 000 долларов США, при этом студенты посещают занятия во Вьетнаме, но получают американский диплом. Для сравнения: обычная программа бакалавриата в Ханойском университете науки и технологий стоит 1500 долларов США, что уже превышает вьетнамский ВВП на душу населения (1411 долларов США). Возникает вопрос о том, кто из вьетнамцев может оплатить такое дорогое обучение. Судя по всему, богатые семьи заинтересованы в том, чтобы их дети получали зарубежные дипломы,

так как считают их более престижными, чем дипломы университетов Вьетнама. Именно поэтому они готовы принять все риски и вкладывать огромные деньги в обучение своих детей на международных образовательных программах.

Ответом на это и другие претензии стало решение МОПК оштрафовать вузы-нарушители. МОПК также обязало их остановить прием абитуриентов и обучение и потребовало, чтобы они вернули студентам внесенные за обучение деньги. Оно также пригрозило отказать в признании дипломов, выданных выпускникам неутвержденных программ. Пока ни вузы, ни студенты не пытались обжаловать решения МОПК в суде, однако ситуация сложилась очень неоднозначная.

Заключение

В ближайшие десятилетия Вьетнаму следует ожидать появления новых совместных международных образовательных программ. Однако было бы важно, чтобы все участники процесса осознавали потенциальные проблемы и стремились найти выход из существующей ситуации. Представителям иностранных вузов необходимо понимать законы Вьетнама и основы вьетнамской культуры. А правительству Вьетнама нужно разработать надежную систему контроля и повышения качества обучения на подобных программах, для того чтобы недобросовестные организации не могли выходить на образовательный рынок.

О необходимости интернационализации высшего образования в Индии

Филип Дж. Альтбах, Эльдхо Мэтьюз

Филип Дж. Альтбах — исследователь, директор-основатель Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: altbach@bc.edu.

Эльдхо Мэтьюз — сотрудник Британского совета, Ченнай, Индия. E-mail: eldhomathews@gmail.com.

Индия находится на пороге получения статуса великой державы. Подтверждением тому может служить, например, недавний успешный запуск межпланетной станции «Мангальян», предназначенной для исследования Марса. Проблема заключается в том, что обычно Индия ведет себя не как великая держава и, кроме того,

не имеет необходимой для этого инфраструктуры, что хорошо видно на примере высшего образования. Индия катастрофически недофинансирует свои университеты и колледжи. Большинство крупных государств может похвастаться не только университетами мирового класса, но и наличием продуманной и эффективной «внешней политики» в отношении интернационализации высшего образования, которую нередко называют «мягкой силой».

Первыми шагами к повышению международной конкурентоспособности индийского высшего образования можно считать создание Университета Наланды и Южно-Азиатского университета. Однако достаточно ли этого для того, чтобы Индия наравне с Китаем получила мировое признание?

Интернационализация во всем мире занимает центральное место в вопросах развития высшего образования. Предоставление студентам возможности получить навыки и знания о мире рассматривается как необходимое условие успешного выхода на рынок труда и полноценного включения в глобальную экономику. В этом контексте привлечение иностранных студентов является одним из способов развития необходимых компетенций у местных студентов, который также влияет на укрепление экономических и культурных связей между странами. Некоторые государства, такие как Великобритания, США и Австралия, зарабатывают огромные деньги на обучении иностранных студентов.

Во многих странах и вузах существует собственная стратегия интернационализации. В США действует Программа Фулбрайта, благодаря которой тысячи студентов и ученых из-за рубежа ежегодно получают возможность поехать в Америку, а американцы отправляются преподавать и заниматься наукой в другие страны. Аналогичным образом работает Германская служба академических обменов. Национальные программы по привлечению иностранных студентов действуют в Китае и Японии. А правительство Саудовской Аравии выделяет огромные средства на обучение своих граждан за рубежом.

Индийские инициативы

Хотя в Индии и существуют такие организации, как Индийский совет по культурным связям, который предоставляет стипендии для иностранных студентов, количество и масштаб их деятельности очень невелики по сравнению с уже упомянутыми выше аналогичными иностранными организациями и программами. Так, в 2013–2014 годах стипендии совета получили лишь 3465 иностранцев — студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры.

Глобализация открывает для Индии невероятные возможности для интернационализации. Это хорошо видно на примере резко возрастающего количества уезжающих учиться за рубеж индийских студентов и подписываемых индийскими вузами партнерских

соглашений. Одновременно с этим увеличивается и поток входящей студенческой мобильности. Большинство приезжающих в Индию студентов являются гражданами азиатских и африканских государств. Это во многом связано с тем, что стоимость обучения и проживания в Индии гораздо ниже, чем во многих других странах.

Согласно последним данным Ассоциации индийских университетов, в 2012–2013 учебном году в 121 индийском вузе обучалась 21 тысяча иностранных студентов, при этом за рубежом училось 200 тысяч граждан Индии. Для сравнения: в Японии и Китае в то же время обучалось более 100 тысяч иностранных студентов, в США — более 800 тысяч.

Большая часть обучающихся в Индии иностранцев — представители Южной Азии, так что, возможно, более корректным термином могла бы быть не интернационализация высшего образования, а регионализация. Подавляющее большинство этих студентов учится в частных вузах, и очень небольшое число — в государственных. Лидером по количеству иностранных студентов является Манипальский университет, принявший в 2012–2013 году 2742 иностранца.

Интересно, что государственные вузы Индии, похоже, просто не задумываются о потенциальной выгоде, которую они могли бы получить, привлекая студентов из США и Европы для участия в краткосрочных программах мобильности (например, «семестр в Индии»). В настоящее время краткосрочные международные программы обмена реализуются только в нескольких государственных вузах, получающих финансирование из центрального бюджета. Среди них Университет им. Джавахарлала Неру, Университет Хайдарабада и Институт социальных наук Тата. Поскольку иностранцы платят за обучение как минимум в пять-восемь раз больше, чем граждане Индии, увеличение их количества существенно бы улучшило финансовое положение государственных университетов. Помимо повышения доходов, присутствие иностранцев в кампусах позитивно сказалось бы на расширении этнокультурного многообразия.

Однако для повышения количества иностранцев принимающим индийским вузам необходимо пересмотреть некоторые действующие нормы, в частности в системе зачета кредитов. В качестве успешного опыта можно привести пример Университета Кералы, который недавно начал выдавать студентам документы международного образца о прохождении образовательных курсов. Внимания заслуживают и новые инициативы Мумбайского университета и Университета Пуны. Помимо изменения системы зачета кредитов индийские университеты должны подумать о необходимой для иностранных студентов инфраструктуре: подготовить общежития и объекты здравоохранения, разработать программу знакомства с вузом и адаптационные курсы, помогать в получении визы и постановке на учет в Региональном бюро регистрации иностранцев и т.д.

За последние годы увеличилось и количество иностранных филиалов индийских вузов. В Малайзии действует филиал крупного частного Манипальского университета, а другой частный вуз — Университет дружбы (Университет Эмити) — открыл филиалы в США, Великобритании, Китае и Сингапуре. Филиалы четырех частных индийских вузов в Дубае тоже являются примером этой стратегии.

Еще один тренд — открытие индийскими вузами филиалов по принципу франшизы в странах, где проживает и работает много индийских граждан. Однако недавно в СМИ была опубликована информация о том, что Комиссия по финансированию университетов рекомендовала Университету им. Махатмы Ганди (штат Керала) закрыть семь филиалов, расположенных в ОАЭ, Катаре, Бахрейне, Кувейте и Омане, поскольку они нарушают утвержденное комиссией руководство о принципе территориальной юрисдикции вузов.

Стратегическое планирование?

На сегодняшний день интернационализация не интегрирована в стратегии большинства индийских вузов. Однако понятно, что не только университеты виновны в таком расставлении приоритетов. Так, Индия пока не имеет государственной политики в отношении работы зарубежных образовательных учреждений на своей территории. В 2010 году парламент Индии рассматривал проект закона о создании и деятельности зарубежных образовательных учреждений, однако в итоге он был отклонен по причине отсутствия консенсуса по этому вопросу. Однако в прошлом году Комиссия по финансированию университетов решила вслед за Всеиндийским советом по вопросам технического образования (орган, действующий при Министерстве развития человеческих ресурсов) издать собственный свод правил, в которых прописаны стандарты взаимодействия между местными и зарубежными вузами.

Партнерства?

В настоящее время очень небольшое количество индийских университетов и колледжей уделяют внимание взаимодействию с иностранными вузами по вопросам разработки учебных дисциплин, проведения совместных научных исследований или организации программ студенческого и академического обмена. Наиболее активными агентами интернационализации выступают молодые частные вузы, которые реализовывают разработанные за рубежом учебные курсы, участвуют в совместных образовательных программах и других инициативах. Но нужно понимать, что их основные задачи связаны с повышением рыночных позиций путем подготовки студентов к выходу в глобальное экономическое пространство.

Есть мнение, что реализация иностранных учебных программ индийскими вузами поможет повышению академических стандартов и качества образования в стране, однако на практике это не всегда верно. Коли-

чество совместных международных программ, реализуемых в Индии, существенно возросло за последние два десятилетия, и они являются важной составляющей процесса интернационализации индийских университетов. Типичные участники таких программ — это новый индийский частный вуз и какой-нибудь иностранный вуз среднего уровня. Подобные вузы обычно представляют то, что у них есть иностранные преподаватели, как свое большое достижение. Если верить сайтам многих из них, зарубежные преподаватели составляют чуть ли не половину сотрудников, однако подобные заявления далеко не всегда отражают реальность. Многие иностранцы действительно преподают в индийских вузах, но лишь непродолжительное время в течение года. Для этих вузов получение дохода — всегда более приоритетная задача по сравнению с обеспечением качества образования, и интернационализация для них — отличный способ привлечь как можно больше студентов и, соответственно, отбить вложенные инвестиции.

Возможность получить зарубежный диплом, признаваемый во всем мире, более низкая по сравнению с зарубежными университетами стоимость обучения, возможность получить международный опыт путем участия в программах обмена с вузом-партнером, профессиональное развитие, обучение в соответствии с зарубежными образовательными стандартами, доступ к многочисленным онлайн-ресурсам, возможность напрямую поступить в зарубежную магистратуру по окончании бакалавриата в Индии, помощь в трудоустройстве, причем не только в своей стране, — все это делает частные коммерческие вузы очень привлекательными. Тем не менее дискуссия о целях, содержании и качестве подобных образовательных программ пока еще даже не начиналась, а значит, открытым остается вопрос о том, действительно ли их выпускники смогли расширить свои горизонты и получить ценные навыки только благодаря тому, что обучались по зарубежным программам.

Таким образом, несмотря на очевидные преимущества, которые интернационализация могла бы принести в индийское высшее образование, соответствующей стратегии в стране пока нет. Для многих государств интернационализация высшего образования стала приоритетным направлением развития, и Индии стоило бы подключиться к этому процессу.

Новости Центра по изучению международного высшего образования

- 1 сентября 2015 года Ханс де Вит официально вступил в должность директора Центра по изучению международного высшего образования. Добро пожаловать, Ханс! Основатель центра Филип Дж. Альтбах продолжит при этом активно принимать участие в его деятельности.
- Практически подошел к своему завершению совместный проект центра и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», посвященный изучению влияния рейтингов на деятельность вузов. Результаты исследования выйдут в издательстве Routledge в начале 2016 года под заголовком *The Global Academic Rankings Game: Changing Institutional Policies, Practice, and Academic Life*. Кроме того, мы работаем над еще одним совместным проектом: на этот раз объектом исследования стали иностранные преподаватели, работающие в 11 различных странах.
- В настоящее время Филип Дж. Альтбах совместно с бывшим сотрудником Всемирного банка Джамилем Салми и аспиранткой центра Георгианой Михут работает над проектом по изучению роли Международных консультационных советов в разных странах.
- В мае Ханс де Вит, Филип Дж. Альтбах и заместитель директора центра Лора Рамбли приняли участие в ежегодной конференции ассоциации по поддержке международных студентов NAFSA, которая прошла в Бостоне. 28 мая центр отметил свое двадцатилетие. На праздничной церемонии выступили Франсиско Мармолейо (руководитель группы по изучению высшего образования Всемирного банка) и Эва Эгрон-Полак (генеральный секретарь Международной ассоциации университетов). Видеозапись мероприятия доступна на сайте <http://frontrow.bc.edu/program/cihe>.
- В марте Филип Дж. Альтбах, член Международного совета по повышению конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации (Программа 5-100), принял участие в заседании совета в Томске. В апреле он выступал на международной конференции по вопросам высшего образования в Эр-Рияде (Саудовская Аравия). В начале 2016 года в Издательском доме Университета Джонса Хопкинса появится его новая книга *Global Perspectives on Higher Education*. Также готова его книга *The International Imperative in Higher Education*, которая вышла одновременно на английском (издательство Sense Publishers) и китайском языке (Издательский дом Шанхайского университета Цзяотун).
- В июне Ханс де Вит и Лора Рамбли выступили на состоявшейся в Брюсселе ежегодной конференции Ассоциации за международное сотрудничество. В том же месяце профессор де Вит выступал в Университете Коста-Рики в рамках мероприятий, приуроченных к сорокалетней годовщине с момента открытия в этом вузе международного отдела. А Лора Рамбли выступила там в августе на церемонии, посвященной 75-летию юбилею вуза. В июле профессор де Вит участвовал в оценке проекта стратегии интернационализации Автономного университета Пуэблы (Мексика).

- В августе Ханс де Вит и Лора Рамбли приняли участие в ежегодной конференции Южно-Африканской ассоциации международного образования (IEASA), которая прошла в г. Порт-Элизабет (ЮАР); после этого они отправились на восток страны, в Дурбан, где посетили Университет Квазулу-Натал и провели ряд встреч с Дэмтью Теферрой, директором-основателем Африканской международной сети высшего образования (INHEA). Эта организация, равно как и Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, получают финансовую поддержку Фонда Карнеги на изучение вопросов высшего образования в Африке.
- Аспирантка центра Георгиана Михут в июне побывала в Брюсселе на презентации Ассоциации студентов и выпускников программы «Эразмус+» (ESAA), где она выступала в роли члена правления Организации по поддержке сотрудничества среди студентов и председателя Консультационного совета по вопросам качества образования при Ассоциации студентов и выпускников программы «Эразмус мундус». Другая наша аспирантка, Ариана де Гайардон, на протяжении всего лета работала исследовательским ассистентом на проекте Mastermind Europe, который проводится Свободным университетом Амстердама при финансовой поддержке Европейской комиссии и направлен на изучение проблем, связанных с поступлением в магистратуру в различных вузах Европы.
- Наш центр разрабатывает новую магистерскую программу, которая должна быть запущена в 2016–2017 учебном году. Вскоре мы расскажем о ней более подробно.
- В сентябре начнется наш новый совместный проект с Центром по изучению образовательной политики при Папском католическом университете Чили. Он будет посвящен исследованию вопросов идентичности и интернационализации в католических университетах. Руководитель проекта — профессор Андрес Бернаскони.
- Второй спецвыпуск бюллетеня «Международное высшее образование» об интернационализации выйдет либо в декабре 2015 года, либо в январе 2016-го. Соредакторы этого выпуска — сотрудники Центра интернационализации высшего образования Католического университета Святого Сердца в Милане (Италия). Первый спецвыпуск по вопросам интернационализации увидел свет в декабре 2014 года.
- Летом 2015 года у нас работали следующие приглашенные исследователи: Даниэль Контовски (Варшавский университет, Польша), Суад Аль-Харти (Университет принцессы Норы, Саудовская Аравия), Армаган Эрдоган (Университет социальных наук в Анкаре, Турция) и Бе Дуньжун (Сямыньский университет, Китай). В сентябре 2015 года с нами продолжит сотрудничать штатный исследователь центра Кара Годвин. Кроме того, к нам приезжают новые исследователи — Лю Цзинь из Пекинского технологического института и Кай Цзян из Пекинского университета.

Для заметок

ИНИИ НИУ ВШЭ

Институт институциональных исследований НИУ ВШЭ (ИНИИ) осуществляет фундаментальные и прикладные исследования в области институционального анализа, экономики и социологии высшего образования и науки на основе мировых академических стандартов.

ИНИИ интегрирован в международную сеть исследователей высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках сравнительных научно-исследовательских проектов в области развития высшей школы и социальной политики в сфере образования. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование».

<http://cinst.hse.ru/>

«Международное высшее образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), издается НИУ ВШЭ с 2014 года ежеквартально

Переводчик — Галина Петренко
Редактор перевода — Лариса Тарадина
Корректор — Ольга Першукевич
Дизайн, верстка — Владимир Кремлёв
Руководитель проекта — Мария Юдкевич
yudkevich@hse.ru
Координатор проекта — Наталья Денисова
ndenisova@hse.ru

101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20

Тираж 100 экз.

E-mail: ihe@hse.ru

Сайт журнала: www.ihe.hse.ru

ВЫПУСК

82

Осень
2015

